

**Юзеф Игнаций
Крашевский**

*История о Янаше Корчаке
и прекрасной дочери
мечника*

Юзеф Игнаций Крашевский

**История о Янаше Корчаке и
прекрасной дочери мечника**

«Э.РА»

1875

УДК 821

ББК 84 (2Пол=Рус) 6-4

Крашевский Ю.

История о Янаше Корчаке и прекрасной дочери мечника /
Ю. Крашевский — «Э.РА», 1875

ISBN 978-5-00039-618-6

«История о Янаше Корчаке...» является одним из самых известных польских романов. В нём рассказывается о перипетиях судьбы сироты Янаша Корчака, о его любви, о жизни в пограничном замке во времена войн с Турцией в XVII веке.

УДК 821

ББК 84 (2Пол=Рус) 6-4

ISBN 978-5-00039-618-6

© Крашевский Ю., 1875

© Э.РА, 1875

Содержание

Юзеф Игнаций Крашевский	5
Том I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Юзеф Игнаций Крашевский
История о Янаше Корчаке и
прекрасной дочери мечника

перевод с польского – А.С. Бобров

ISBN 978 -5-00039-618-6

© Бобров А.С. 2016

Том I

Осень позолотила уже дубравы – леса стояли в тех разноцветных одеждах, которыми одеваются, прежде чем мороз заморозит листья, а ветер разнесёт их по свету. На полях ёжилась жёлтая стерня и кое-где запоздавший только овёс лежал в разбросанных копнах; озимые посевы краснели местами либо майской зеленью обманывали глаза. Перелётные птицы начинали улетать. Чувствовалось, что заканчивается летнее торжество жизни и начинается зимний отдых. Мало было движения на дорогах и ленах, люди, собрав, что Бог дал, хозяйничали в доме, в своих усадьбах. Много шляхты было вытянуто с королём Собеским под Вену. Навострили уши о том, что оттуда придёт: отголосок победы или крик поражения.

Христианский король должен был идти на оборону столицы империи и остановить нашествие дичи, которая угрожала Европе; всё же не один качал головой, опасаясь, как бы эта война за страну не вызвала возмездия. На границах временно было безопасно, потому что турки, с великой силой выбравшись к империи и потянув за собой татарские орды, не имели времени развлекаться нападениями на границе.

Отдыхал, поэтому весь рубеж, хотя бы мгновение.

С того времени, как турки заняли Каменец и осадили замки, мало кто решался жить в тех краях и раньше уже достаточно пустынных. Собственность, какую там шляхта имела, поддерживаемая управляющими и арендаторами, редко видела пана, а платил с неё, кто что хотел, наиболее часто – ничего, потому что видимости было достаточно, чтобы от этого освободиться. Опустошались и заростали поля, разрушались замки и усадьбы, ждали лучших времён.

На границе Подола, в углу довольно обособленном, между холмами, заросшими дубовым лесом и густыми кустами, посередине которых кое-где выглядывали нагие бока скал, стоял, спрятанный глубоко, старинный, некогда оборонительный, замок, стены которого до сих пор ещё поддерживались в довольно хорошем состоянии. Околица была мало населённая, холмы по большей части покрыты лесом, немного вырванных полей, и путешественник, который случайно сюда пожаловал, останавливался, удивлённый, при виде этого замка, необъяснимого о себе ничем в околице. Дороги, ведущие к нему, были так мало объезжены, что если бы дожди и слякоть их не размывали, давно бы заросли сорняками. В этом краю есть достаточно небольших расщелин в земле, которые поток воды с горы может вырезать так, что на протяжении немногих лет они становятся оврагами.

Там, где проезжали возы и выбили колеи, размывал дождь, уносил с собой глинистую землю и постоянно портил тракт. Мало его потом поправляла человеческая рука. Времени для этого не было. Если же поперёк пробегала вода и вырывала яму, не ставили мосты. Наиболее часто бросали для проезда вязанку хвороста либо немного камней и по ним доставали до края дороги.

Околица была дивно красива среди той тишины, какая тут царилась. Тут не чувствовалось войны, не слышалась суeta жизни, только свободные птицы, дикие звери паслись вольготно, а кусты и растения густо распускались, не уничтоженные.

Между зелёными холмами, которые расступились довольно широко, создавая долину, протекала маленькая речушка, называвшаяся Лесицей, стоял на голом мысе, возвышающийся над прудом, тот старый замок, помнивший, по-видимому, более давние времена, чем корибутовские. Со стороны пруда под ним был обрывистый, как стена, холм, кое-где щетинившийся выгупающей скалой, с другой – ров, наполненный водой, отделял его от поселения, прицепившегося неподалёку от замка.

Это была бедная, непонятно как назвать, деревня или местечко...

Её жители по большей части обрабатывали маленькие кусочки почвы, некоторые занимались простыми ремёслами, несколько евреев вели какую-то секретную торговлю на грани-

цах. На рынке было несколько больших усадеб, но слеplенных так же из глины и хвороста, как и хаты крестьян. Никто тут не соперничал в более порядочном деревянном здании, потому что татарские набеги были частыми, а когда Липки или Буджаки показались в околище, все, кто жил, бежали из своих имений в замок, а чернь поджигала хаты и сараи.

В действительности, неоднократно такая буря миновала городок, потому что и попасть в него татарам было не очень легко, и маршруты их проходили дальше, и спускаться в овраги, ведущие в этот уголок, было небезопасно, так как любая горсть могла нанести большое поражение.

Население, если Липки появлялись так внезапно, что в замок сбежаться не могло, рассеивалось по лесу и ближайшим горам, где также безопасное находило убежище. Старики знали выходы из поселения в пещеры настолько скрытые, что их никто на свете найти не мог, а татарин лесов не любил и в открытых полях привык только резвиться.

Тут также было безопасней, может быть, чем где-нибудь на границе, а в худшем случае и замок мог так долго обороняться, чтобы дичь, которая никогда долго не осаждала, отошла.

Замок на мысе имел стены, хотя старые, но крепкие, построенные из камней много лет назад, толстые и достаточно высокие. С той стороны, которая выходила на пруд, были два барбакана по углам, от рва и местечка, кроме наружных башен, защитные ворота, также заслонённые двумя выступающими бастионами.

Уже перед ними некогда должен был быть подъёмный мост, но давно его не стало и на рву построили плохой мост на брёвнах, который во время опасности разбирали или поджигали. Несколько фальконетов в стенах, непосредственно на него направленных, охраняли от штурма. Стоял, однако, замок, скорее, силой своей давней постройки, чем старанием, которого тут вовсе не было видно. Кое-где остался кусочек крыши, состоявшей из ободранных стропил или гонтов, заделанных соломой. Ворота были покрыты ржавыми бляхами и местами, незакреплённые, они поотваливались. Видно, их также, может, никогда не отворяли, потому что хватало рядом обширной дверцы, в которую и крестьянская телега могла закатиться. Войдя из деревни в замок и миновав широкие ворота, был виден прямоугольный двор, довольно обширный, со всех сторон окружённый старыми куртинами. В глубине со стороны пруда старое одноэтажное кирпичное строение так же припирало почти к куртине. Кое-где были видны сараи под стенами и городни в довольно плохом состоянии, а под ними, начиная от вечных каменных ядер, поломанных телег, запаса дерева, соломы, всякое старое оборудование разбросано было по кучам. Во дворе, кроме нескольких вытоптанных дорожек и возле ворот вытоптанного места, куда ставили возы, росла трава и сорняки. Кое-где к стенам цеплялись дикие кусты, ежевика и мелкие травинки, из середины камня вылезающие на свет. В одном месте, огороженном плетёным забором, был маленький огорожок: фасоль, кукуруза, разные сорняки росли там на нескольких грядках. Этот двор, входя от главных ворот, можно было видеть закрытым в глубине каменным домом, который заслонял почти всю большую часть двора – это сам замок.

Всё-таки двор тут ещё не кончался и, хотя через дом не вёл ни один проход, вправо и влево две тропинки вели к узкому, зажатому стенами перешейку, в который укреплённые куртиной ворота пропускали внутрь древней цитадели. Эти вполне новые ворота, видно, закрывали здание. В первом дворе были ещё следы какой-то жизни, на другом – уже вечная пустыня.

Ворота, ведущие во второй более тесный двор, открытые веками, висели на заржавевших петлях, словно уже закрыться не могли. Кусок заброшенного плетёного забора их заменял. Его можно было отодвинуть и кто-нибудь, идя под гору, мог бы осмотреть заброшенные укрепления. Пространство этого двора было значительно меньше; кое-где показывалась обнажённая серая скала, в конце концов заросшая травами. Две башни с открытыми лестницами поднимались по углам. Более или менее посередине возвышалось над куртинами небольшое квадратное строение, видно, очень древнее, но сейчас в нём уже никто не жил. Почерневшие, расшатанные двери и окна его были закрыты.

Здесь и там в верхних окнах, оправленных в олово, не хватало стёкол, а ласточкины гнёзда в великой численности покрывали свободно все бреши в стенах. Хотя заброшенное, здание это некогда должно было быть очень старательно построено, потому что сохранилось на удивление целым и нетронутым. Только черепичная крыша покрылась зелёными мхами. Кроме верхних комнат, внизу два ряда окон, неправильно разбросанных по стенам, указывали два этажа.

До главных дверей в нише стены можно было добраться только по лестнице со двора. Спущенный над ними камень имел на себе затёртые гербы и надписи. Ещё выше в углублении виднелось маленькое изображение Богородицы с младенцем Иисусом Христом на руках. Когда-то сверху покрывал его маленький навес, от которого теперь остались только остатки.

Стаи воробьёв, которым тут никто хозяйничать не запрещал, свободно прилетали, чирикают целый день. В правой башне, в тёмном углу сидела старая огромная сова, которую, быть может, из-за каких-то суеверий не преследовали. Ночью вылетала она за добычей, днём дремала в этом углу, который бесспорно привыкла считать своим наследством. Только стаи воробьёв нападали на неё днём, но в некоторой степени привыкшая к их щебетанию, на эту крикливую стаю не обращала внимание.

Замок отнюдь не был весёлым, а жилой едва та часть, которая была в первом дворе. Тут кирпичное здание, хотя заброшенное, было очень обширным. Занимал его в те времена, уже много лет, Павел Доршак, называемый подстаростой, управляющий Гродком с прилегающими территориями в имении мечника Збоинского, эти владения которого были наследством. В замке в течении долгого времени наследника не было. Доршак считал себя тут самовластным паном и хотя иногда писал рапорты, чувствуя сам себе паном, правил, как ему нравилось. Было несколько поселений, слобод и большое пространство земель, относящихся к Гродку, но никогда с этого мечник гроша не имел. Со дня на день и до более спокойных времён откладывали приведение в порядок собственность, в которой жить было небезопасно, а хозяйство вести трудно.

Лет пятнадцать назад, когда старый подстароста умер, этот Павел Доршак появился у мечника, живущего в Люблинском, вовсе ему незнакомый, предлагая свои услуги. За все рекомендации он имел какие-то подозрительные под печатью свидетельства, как сидел он у панов Потоцких на их владениях около Збруча несколько лет и вышел из них так, что претензий к нему не имели.

Мечник как раз хлопотал, кого бы туда послать, потому что мало кто решался подвергать опасности свою жизнь в тех краях, терпеть нужду и вечную угрозу татарской неволи. Упал к нему, как с неба, этот Доршак, хотя никому он не нравился.

Мужчина был огромный, как вол, сильный, красный, рыжий, с дикими и быстро бегающими глазами, с неприятной улыбкой, смелый и забияка. Носил он казацко-татарскую одежду и прибыл на двор с одним слугой, похожим на цыгана. Говорил по-польски, перемешивая татарские слова и путаясь в речи.

Он представился шляхтичем из Галича, но о себе и семье говорил мало. Был женатым и бездетным. За порученный замок и имущество головой хотел ручаться, что его сохранит в целости. Мечник долго колебался, так прибывший был ему не по вкусу.

Мечникова также возражала, человек был неизвестный, а свидетельство подозрительное. Однако никого не было, а в Гродке он вреда учинить не мог, так как, кроме стен и земли, ничего там мечник не имел, а с земли, хотя плодородной, чиншов, осипов и дани никогда гроша не видел. Шло это всегда на реперации, крыши, мосты, на разные откупы. Сломанный шелунг не приплывал. Доршак клялся, что получит прибыли и не малые. Заранее даже их высчитывал. Таким образом, дал уговорить себя мечник и, записав перед актами полномочия, отправил нового подстаросту.

С той поры, по правде говоря, приходили письма, но деньги вовсе нет. На настоятельные требования приезда, счетов ответы были уклончивыми, часто молчание по несколько месяцев, а потом письмо, в котором было не то, что ожидали.

Мечнику на Межейевицах, Ополе и Воли Збжеской жилось очень хорошо, мог без этого Гродка прекрасно обойтись, всё-таки хотелось с него доход иметь, а тинфа никогда нельзя было получить и, как бы в насмешку, получал такие письма, которые, прочитав, не раз сминал и кидал в угол.

Он бы и сам, верно, давно выбрался навести там порядок, но времени не было. У мечника всегда была какая-то публичная служба, от которой отказаться не мог. Муж был рыцарский, занятый рыцарскими делами, в силу века, поэтому, если не на войне и не в лагере, то на комиссии, то по поручению короля на сеймике, на дворе и т. п. Вздохнуть не было времени и даже в своих Межейевицах рассмотреть. Имел в то время пан Збоинский лет пятьдесят и не менее десяти лет был женатым. Реальный образ тогдашнего шляхтича, обученного стойкости смолоду, здоровый, достойный, для коня и сабли храбрый, неустанно деятельный, всегда в хорошем настроении, готовый ко всякому обывательскому делу, охотно выступающий на распрю и праздник; долго в доме никогда не нагревающий места, мечник был и счастливым, и влюблённым. Всего ему на свете хватало, потому что и субстанции было достаточно и любовь была у людей.

Женился он также как нельзя лучше, взяв одну дочку своего друга Мусинского, красивейшую, богатейшую панну в околице, к тому же настроением и характером была как бы для него создана. Ротмистр Мусинский, был немного гулякой, но честным до костей. Ротмистровна сразу после смерти матери научилась в доме отца хозяйничать и управлять, поэтому, выйдя позднее замуж, у мечника быстро взяла всё в клубок. А была в этом великая нужда, потому что сам пан на это времени не имел. Называл её муж, целуя руки, золотой своей Хандзей, на протяжении десяти с небольшим лет живя друг с другом, никогда нахмуриться не было причины. По смерти Мусинского получил мечник после него немалую собственность, так что его за пана считали. Судьба женщин того времени была такой, что большую часть жизни они проводили в тоске и ожидании панов мужей, даже если бы работы не имели столько, что на него времени не оставалось. Мечник был редким гостем в доме и когда приезжал, привозил с собой праздник и счастье, но часто, прежде чем кони отошли от крыльца, уже на следующий день уезжал. В его отсутствие мечникова имела в голове хозяйство и домашний порядок, не считая образования дочери, с которой не расставалась. Только два последних года Ядзя провела в монастыре панн Бригиток при аббатисе, которая приходилась мечниковой двоюродной сестрой. Казалось хорошим то, что и рукоделия, и книг, и набожности, и света принесла она немного с собой в дом, вдобавок к тому, что от матери могла получить. Выросла девушка, как две капли воды похожая на мать: красивая, свежая, смелая и чрезвычайно охочая до работы и деятельная...

Когда пришлось идти под Вену, позвал Собеский мечника с собой, поручая ему командование главными силами. Сопротивлялась бы жена этой далёкой и опасной экспедиции, если бы не была настроена против врагов христианства, следовательно, счидала это обязанностью, если бы притом можно было отказать королю и если бы мечник дал себя задержать.

Таким образом, речи об этом быть не могло. Как раз недавно перед этим предъявил иск сосед пана Збоинского о границе.

Когда бы по-людски и по-братски прибыв, сам завязал дело, компромисс был бы лёгким, но, не сказав ни слова, мечника поставил перед судом – это возмутило обоих.

Збоинский кулаком ударил о стол.

– Чёрта съест, – сказал он, – у меня бумаги, защищу себя, а нет... буду его хоть по судам тоскать, чтобы знал, что братская обязанность велит. Тяжбы ему хочется, будет её иметь, потому что никакого иска, слава Богу, не боюсь.

Речь тогда шла о документах.

У пана мечника бумаг в доме было не много. Все, какие имел титулы собственности: дела, завещания, извечные скрипты спрятали на случай несчастья в одном месте. Ещё после деда наследованный ящичек, выглядящий как длинноватый округлый валик, обитый какой-то волосяной шкурой, скреплённый латунными гвоздями, с двумя замками, помещал в себе архив, довольно порядочно связанный фасцикулами. Там так же покоились в жестяных трубках карты собственности.

Сразу после получения иска мечник вызвал жену к себе и собрался с ней вместе на поиск документов о границе. Работа была немаленькая, по той причине, что эти фасцикулы были не в лучшем порядке. Некоторые из них относились к давно оконченным делам и к добру, вывезенному из имения. Пришлось, однако, всё пересмотреть, потому что граничные акты застряли где-то глубоко.

Когда оба просматривали такие старые дела, попал мечниковой в руку фасцикул с надписью: «Бумаги, касающиеся Гродка Брацлавского». Отложили его в сторону. Нашлись пограничные документы. Приступили к упаковке обратно в ящик, но давно не виденный Гродецкий фасцикул разбудил интерес самой пани. Мечник его также, как говорил, никогда в руках не держал. Он был связан шёлковым зелёным шнурком и, видно, долго с ним лежал, так как впился в бумаги, а узел так сплюснулся, что его трудно было распутать. Когда, в конце концов, начали разбирать пожелтевшие документы, списки и информацию, попался неразборчивый документ, написанный рукой мечникова деда, в котором было описание замурованного в замке подземелья и спрятанного в нём ящика с драгоценностями и деньгами.

Мечник никогда в жизни о них не слышал, но из того описания, что там находилось, он мог понять, что ни отец, ни дед замурованного ящика не добыли. Имущества этого вида освящались в семьях, переписывались, никогда их никто не продавал, скорее, дело было в откупе от языческой неволи.

Можно было предположить, что этот ящик по сегодняшний день должен был находиться ещё в замке. Не был этот скарб таким значительным, чтобы о нём слишком заботиться, но всё-таки, заключая из списка, несколькими, а, может, несколькими десяткам тысяч золотых червонцев он равнялся. Очень могло быть, что кто-нибудь там догадался о нём, нашёл и присвоил, сомнения, однако же, оставались, а мечникова горячо взялась за то, что следовало ехать в Гродек и отыскать ящик. Столько лет она тут уже пережила, что мечник хотел ждать пока не завершится венская необходимость, чтобы самому после неё выбраться. Жена была противоположного мнения. Ей казалось, что и Гродек осмотреть, и хозяйство Доршака на месте осудить было великое время, а никогда безопасней это выполнить не было возможности, как теперь, когда турки и татары находились в другом месте. Она предлагала, как для развлечения, будто бы ехать с дочкой, заверяя, что справится и привезёт ящик.

Мечник прикрикнул, ни в коей мере не соглашаясь на эту небезопасную экспедицию, но золотая Хандзя настаивала и полушуткой – полуправдой пригрозила гневом, если бы ей также, как она говорила, запретили идти на эту необходимость.

Долгие споры были о том, продолжающиеся и не один день, однако же, как это обычно происходит, когда женщина сильно чего-нибудь желает, настаит на своём. Всё же не быстро мечник согласился, хотя с очень сильной тревогой в сердце. Татары, хотя значительная часть их уехала, бродили у границ, а достаточно было маленькой кучки, чтобы могло произойти большое несчастье. Мечникова над этим смеялась. Когда дело дошло до обдумывания выбора в путешествие, также появились большие споры, так как она хотела ехать в малом эскорте, а муж рад был для безопасности дать людей побольше и подобрать самых храбрых, на которых мог безопасно положиться. За это условие он решил, что сам двор назначит компанию.

На дворе мечника находился тогда дальний родственник, бедный парень, но с большими надеждами, Янаш Корчак. Двадцатилетний парень, выпросился бы он в венский поход, если бы не случай, который ему за этот низкий труд приняться не позволил. Объезжая мечникова

коня, когда тот его сбросил, Янаш сломал ногу. По правде говоря, доктор-немец, привезённый из Люблина, ногу ему немедленно взял в дощечки и молодые кости отлично срослись, но ему ещё ни много ходить, ни до утомления ездить верхом не позволили. Янаш клялся, что не чувствует даже самой малой боли, что здоров и имеет силы; идти в поход мечник ему не дал. Но когда пришлось собирать двор для её светлости, он упал в ноги пану Збоинскому, чтобы выпроситься и по причине безопасности быть добавленным. Трудно было ему противостоять, и, сказать по правде, это была почти гарантия, так как Янаш телом и душой был предан мечнику, был храбрый, хитрый, рассудительный и неутомимый. Мечник мог смело доверить ему семью. Старичок капеллан ксендз Фабиан Жудра не мог быть большой помощью, но даже и тот вздыхал, не смея навязываться, а незнакомый край очень желал поглядеть. Старичок был крепкий, необременительный никому, милый в разговоре; мечникова его также обещала забрать. Для коней и для обороны выбрали шесть человек, тех, что были самыми сильными и привязанными к семейству. Кроме этого, двое гайдуков, Голоба и Тракевич, и венгр Гичи собирались ехать.

Янаш, хотя самый младший, предпринял командование и главенство. Оружие для всех людей, не только то, какое могли иметь при себе, но запасное, положили на возы, взяли три свободных коня на всякий случай, предостаточно пороха и пуль. А то, что не всегда людным и гостеприимным краем они должны были ехать, приготовили всевозможной еды, одеял и всё, что необходимо в путешествии. Мечникова и о болезни, упаси Боже кого, подумала, травы, капель и медикаментов напихав целый ящичек.

Таким образом, Межейевицы они собирались на какое-то время опустошить, так как мечник тянул с войском, а пани сразу хотела выбираться в дорогу, чтобы перед зимой вернуться.

Збоинскому казалось, что он сделает лучше, когда сперва к Доршаку пошлёт верного человека с письмом, объявляя ему о прибытии пани, чтобы, по крайней мере, она нашла очищенными избы и приготовили то, что было необходимо для жизни. У мечника это настрояние перед выездом значительно испортилось, он не говорил ничего, однако, боялся. По правде говоря, Гродек до сих пор был свободным от нападения, но околица и сама близость татар и бродяг сильно его беспокоили. Противоположно самой пани, её дочка, Янаш, что командовал экспедицией, даже ксендз были в наилучшем расположении и радовались заранее тому, что собирались посмотреть и что привести с собой.

* * *

Солнце заходило за холмы, опоясывающие долину. В сторону городка у подножия замка с двух противоположных сторон показались два всадника, взаимно издали присматривавшиеся друг к другу.

Один из них, огромный мужчина на сильном коне, покрытом потом и пеной, ехал не спеша. Две сильные бурые валашские борзые бежали за ним следом. Он одет был по-казацки, в меленькой бараньей шапочке на голове, в сивом жупанике, перетянтом кожаным пояском, в длинных ботинках, и имел кнут, привешенный через плечо. Красное лицо, пятнистое, было отталкивающим. Щетинистые рыжие усы добавляли ещё более дикое выражение. Маленькие чёрные глазки, беспокойные, сидящие глубоко, затеняли кустистые брови. Отвисшие губы, спёкшиеся от жары или нездоровья, выглядели как пораненные. Хотя по внешности он выглядел бедно, но гордость и самоволие чувствовались в нём, словно победившего разбойника.

С другой стороны на сильной лошади с вьюками на ремнях, покрытый буркой, немного сдвинутой с плеч, ехал парень, насвистывая песенку, здоровый, сильный, с весёлым лицом, с обычными чертами, загорелой кожей, нерасчёсанными волосами, сама одежда указывала на слугу либо посланца... могущественного дома.

Едучи, он с большим любопытством оглядывался и не спеша направлялся к местечку. Въехав в городок, он остановился тут у корчмы, позвал еврея и, о чём-то его спросив, медленно дорогой двинулся к замку.

Увидев это, оставшийся за ним всадник с борзыми, пришпорил коня и, догнав едущего, обратился к нему, нахмурившись, спрашивая по-русски:

– А куда ты?

Вопрошаемый посмотрел.

– А вам что до этого? – отпарировал он.

Лицо рыжего покраснело и он подбоченился.

– Но! – крикнул он. – Уже оттого, что вы на моей земле.

– Неправда, – сказал второй.

Рыжий вздрогнул и, должно быть, непреднамеренно сжал ногами коня, потому что он встал перед ним на дыбы, за что тот немилосердно стегнул его кнутом и осадил.

– Кто вы? – выкрикнул он. – Как смеете?

– Не горячитесь, – воскликнул, смеясь, посланец.

– Я тут пан!

– Неправда, – повторил другой.

Глаза рыжего налились кровью.

– Говори, кто ты?

– Я на дороге тут вести с вами разговоры не собираюсь, – сказал спокойно втянутый в беседу. – Хотите знать, кто я, езжайте за мной в замок, скажет вам подстароста.

– Какой подстароста?

– По-видимому, какой-то Доршак, – небрежно добавил путник.

Рыжий на мгновение замолчал.

– Ну, это я и есть подстароста Доршак.

Всадник отвернулся, улыбаясь, снял шапку... и не сказал ничего.

– Что это? В какую игру мы с вами играем? – подхватил Доршак.

– Ни в какую, – сказал второй, – я еду к пану с письмом от ясновельможного мечника.

Эти слова немного смутили пана Доршака, на вид он успокоился и смягчился.

– Что вы болтаете! – воскликнул он. – Я, я здесь пан с руки мечника. У нас свободных людей блуждает достаточно, я должен за порядком следить.

– Тогда не говорю ничего, – сказал посланец, – но я вас не знал.

– Езжайте за мной в замок.

Говоря это, Доршак посмотрел на флегматичного посла, на борзых, которые начинали распоряжаться в городке, свистнул и рысью поехал вперёд.

Другой также дал шпоры коню и в молчании двинулся за ним.

В городке эта короткая сцена уже вытравила из домов людей. Евреи стояли перед корчмами, какой-то мальчик вырвался на рынок и борзая его уже было потормошила, когда подстароста ей свистнул. Шапки и ермолки по дороге снимались и люди низко кланялись. От городка дорога в гору привела в замчик. Нужно было преодолеть шаткий и жалкий мост, который весь сотрясался под лошадьми, наконец через сводчатую дверку в воротах они въехали на двор.

Здесь, как ранее на борзых, Доршак пронзительно свистнул, из-за сарая выскочил мальчик в простой рубашке и подросток в короткой свитке, которые взяли коня. Посланец также не спеша уже спешил, сперва отпуская коню подпруги. Только, когда это выполнил и увидел перед собой подстаросту, стоящего с признаками нетерпеливого ожидания, ничего не говоря, он начал доставать из одежды старательно завёрнутые в платок бумаги, которые вручил пану Доршаку.

– Пойдёмте со мной в замок, там в нижней комнате погостите, – отчеканил подстароста.

– Благодарю, пан, – ответил посланец, – но я наперёд о коне и выюках должен подумать.

На это подстароста ничего не ответил и пошёл быстро к замку. Опускался сумрак и во дворе, защищённом стенами, начинало становиться тускло. Посланец заговорил со слугой, заботясь о коне. Он сам медленно снял выюки, седла, однако, снять не позволил, пока уставший конь не отдохнёт. Подстароста, миновав нижнюю часть, по каменным ступенькам быстро поднялся на верх, а борзые побежали за ним.

В дверях стояла ожидающая его женщина. Взглянув на неё, легко было узнать восточный тип. Средних лет, некогда, вероятно, очень красивая, брюнетка с чёрными глазами, пышными бровями, римским носом, форменными губами, казалось, состарилась раньше времени, утомлённая, хмурая, но выражение великой энергии выдерживалось во всей физиономии. Голову, покрытую пышными волосами, которые непослушно выбивались из-под шёлкового платка, держала гордо поднятой. На ней была белая одежда, а на ней кафтан из турецкой материи. Любопытными глазами, ничего не говоря, измерила она входящего и письмо, которое держал он в руке.

Он словно догадался, что найдёт её в дверях, поднял также голову, но они даже не поздоровались. Встретив его взгляд, женщина отошла, оставляя двери открытыми. Комната, в которую вошёл за ней Доршак, была обширна, а за ней показывались дальние, обставленные дивными предметами, среди которых турецкие куфры, софы и низкие столы контрастировали со старыми стульями и тёмными шкафами.

Женщина, сложив руки на груди, упала на низкое сиденье. Доршак входил задумчивый.

– Я голодный как собака... и собаки тоже, должно быть, голодны, – сказал он ломаным русско-польским языком.

– Сейчас тебе дадут есть, – равнодушно ответила женщина и, повысив голос, крикнула:

– Татьяна!

Не скоро вкатилась толстая женщина в очень запущенном наряде и покрутила глазами.

– Есть! – крикнул Доршак, садясь за стол. – И света, живей.

Он разломил было уже печать и нетерпеливо пытался читать, но мрак не позволял; он бросил письмо на стол.

– Мечник человека с письмом прислал, – бормотал он, – что ему там в голову пришло, он всегда думает, что тут является паном. Ха! Ха!

– А кто же? – произнесла женщина.

Доршак рассмеялся и стукнул пальцем в грудь.

– Кто же, если не я! Кто тут шеей рискует столько лет, чтобы в этой дыре скрываться? Чёрта съест, если из моих рук её назад вырвет.

Женщина пожала плечами.

– Когда мне однажды даст эту весть, не выкурит меня так легко, – говорил, не обращая внимания, как бы себе, Доршак. – Если захочет, я вместе с письмом заплачу ему... но я не напрасно работал, чтобы другие пользовались. Где человек столько лет сидит и трудится, всё-таки должен высесть себе собственность. Чего он от меня хочет... Женщина смотрела на говорящего, словно с сожалением, но ничего уже не говорила.

В это время женщина внесла свечу и поставила её на столе; Доршак схватил письмо, начал его читать, брови его стягивались, плюнул и бросил его снова на стол, начал ходить, потом взял письмо, дабы ещё раз прочесть, и повторно бросил его от себя, руки вложил в карманы, прохаживался хмурый.

– Но этого-то я не ожидал, – воскликнул он вдруг, останавливаясь перед женщиной, – ведь мечникова со всем двором едет в Гродек.

Он начал смеяться.

– Милостивый государь, забавная история! Баба-Ирод... Им кажется, что всех татар забрал с собой Кара Мустафа и что тут как у Бога за печью можно сидеть! Посмотрим...

– Но я их тут иметь не хочу, – добавил он, – и быстро выкурю, что даже охота у них заглядывать в моё хозяйство отпадёт.

Женщина слушала, молчащая, опёрлась на руку и посмотрела в окно, как если бы давно знала, что с ним ни серьёзно разговориться, ни образумить его не сумеет.

Чем дольше ходил и думал Доршак, тем казался сильнее обуреваем возмущением и гневом. Его резкие движения и вся фигура утверждали, что он сдерживается только, дабы не взорваться.

Затем женщина принесла полотенце, большую миску и тарелку. Доршак поглядел только и бросился за стол, а собаки сидели с обеих сторон, смотряему в глаза. Прежде чем приступил к еде, он достал из шкафчика бутылку, выпил рюмку и поставил её перед собой. Как следствие волнения и напитка, лицо его покраснелось. Он был страшным – женщина всякий раз, как на него смотрела, с отвращением отворачивала глаза...

– А ты ела? – спросил он женщину, обращая взгляд на неё.

– Я не голодна, – ответила она, – трудно было ждать целый день...

Она мгновенно прервала разговор.

– Сегодня на тебя снова твоя хандра, я вижу, напала? – спросил Доршак.

– Я сегодня такая, какой была вчера, – отпарировала она коротко.

– Человек притащится домой и не с кем рот раскрыть и поболтать по-дружески!

Женщина пожала плечами и промолчала. Доршак, словно дальше разговора вести не хотел, поднял голову к двери и позвал:

– Татьяна!

На пороге показалась женщина.

– Кумыса! – крикнул он.

– Татарина из себя сделали, – шепнула сидящая на подушках, – и не только к кумысу, но и к их обычаям привыкли.

Словно не слышал этого упрёка Доршак, сидел задумчивый. Женщина принесла высокий стакан с беловатым напитком, который он жадно осушил, вытер усы и только после ухода служанки начал как бы сам себе:

– А почему мне не быть татариним! Они имеют разум. Носятся в степи, в работе не нуждаются. Живут на свободе и мурзы их богаче нас... Разве мало они добычи набирают...

– И это жизнью вам кажется от зависти, такое языческое бродяжничество, – начала женщина.

– Что ты, баба, знаешь! Что ты понимаешь! – крикнул Доршак. – Сидела бы тихо. Меня будешь разуму учить, что плохо, а что хорошо? Я и без тебя знаю, совета спрашивать не буду.

– Вот это и беда, – вздохнула сидящая, – иначе бы жил, если меня бы слушал, и было бы благословение Божье в доме.

Доршак смеялся.

– Уж эти я литания знаю... в церковь с ними! В церковь! Я в этом не нуждаюсь.

Он окончил трапезу, несколько объедков бросил псам, которые из-за них друг с другом начали лаяться, ударил одного ногой и, отойдя на пару шагов, бросился на сиденье, но неподалёку от женщины. На низком столике стоял обшитый золотом мешок и длинный мундштук лежал при нём. Он надел его на трубку и начал курить, сложив ноги по-турецки.

– Эй, баба! Кофе! – воскликнул он. – И живо.

Эти слова относились к сидящей женщине, которая ни двинулась и, казалось, не обращает внимание. Только через какое-то время она позвала Татьяну.

Тут уже, согласно обычаю, она принесла жестяной чайник и маленькую чашечку, которые поставила на стол перед паном. Доршак налил себе чёрной жидкости и жадно выпил её. Мгновение царило молчание. Женщина казалась как бы заснувшей, а борзые устало храпели

на полу. Доршак, смотрящий сначала бессмысленно перед собой, медленно перевёл взгляд на женщину и долго разглядывал сидящую. Его брови всё больше хмурились.

– Слушай, ты, Агафья! – воскликнул он. – Долго мы так с тобой, как собака с кошкой будем жить?

– Пока собака или кошка не сдохнет, – медленно произнесла она.

– Собаке не хочется подышать, – рассмеялся Доршак, поднимая широкие плечи, – собаке ещё жизнь улыбается, а кошка так же, хвала Богу, здорова. Время иметь бы разум.

– Это правда, – сказала женщина.

– Не мне, но вам, – прервал, распаляясь, мужчина. – Что у тебя плохо? Оказывают тебе в чём?

– Я предпочла бы бедность, – ответила женщина. – Думаешь, что мне этот твой хлеб по вкусу, что его ежедневно посыпашь пеплом? Или я не знаю, откуда твоя собственность берётся и как её зарабатываешь?

Доршак вскочил со стула.

– Как? Как? Говори! – крикнул он, поднимая мундштук.

– Не нужно говорить, – не обращая на него спокойные глаза, сказала женщина, – ты знаешь, что эта твоя собственность значит и откуда течёт.

Доршак пробурчал что-то невразумительное, грызя трубку, но сдержался и смолчал.

– Хочешь иметь мир? – добавила женщина. – Я охотно вернусь к родителям, только отпусти.

– Жена с мужем жить должна, слышишь, – воскликнул Доршак.

– Давно бы от меня избавился, – отрезала женщина, – если бы не то, что за мной ожидаешь приданое, до которого жаден.

– Несомненно, потому что оно принадлежит мне за то, что такую дуру мне свет навязал, – начал Доршак. – Дьявол тебя знал, когда молодо и красиво выглядела, что мне жизнь отравишь! Я думал, что беру мягкое и послушное создание, а ветку чертополоха получил. Не в такой я нуждался женщине для жены, а ты была создана для монахини.

Женщина не отвечала уже, погружённая в мысли, сжала белые руки, аж слышен был треск в суставах. Голову опустила на грудь, слёз было не видно, но о них легко мог догадаться Доршак, который дико на неё поглядывал.

– Вот это мой завтрак и обед, и ужин, – сказал он, – человек возвращается домой как в ад!

Лицо его загорелось, поднял трубку, казалось, что ударит сидящую женщину, которая только вздрогнула, но затем обернулась, смирив его страшными очами, её рука потянулась к поясу под платье.

Видно, Доршак понял это движение и отступил. Он процедил сквозь зубы:

– Змея, гадина!

– Раз в жизни ты тянул ко мне руку, – сказала женщина дрожащим голосом. – Тогда я не ожидала, чтобы мужчина смел ударить жену... и тут один раз отплатила тебе, как ты того заслуживаешь. С той минуты без ножа не хожу, ударь меня и умрёшь. Ты знаешь, что я сильная и что тебя не боюсь.

Они смирив друг друга глазами. Доршак дрожащей рукой потёр голову.

– Э! Если бы не твой отец! Если бы не мать!

– Если бы не приданое! – насмешливо вставила Агафья.

– Дал бы я тебе, сидела бы запертая под ключом, как собака на цепи.

– Э! Когда бы не Бог, не совесть, Павел, ты давно бы не жил, а я была бы свободна, – ответила женщина, глаза которой пылали. – Подошёл к родителям, именуясь паном на Гродке, а кто в то время знал, что ты разбойник?

– Молчать! – крикнул Доршак. – Молчать! Достаточно этого, бабы никто не переболтает, а ну, увидим, наконец, кто тут кого победит.

Агафья рассмеялась.

За порогом послышались тяжёлые шаги. Доршак обернулся. Дверь медленно отворилась и посланец межейевский, с любопытством разглядываясь, стоял на пороге.

– Слава Ему! – сказал он.

Доршак что-то промямлил, женщина поднялась и тихо ответила:

– Навеки!

– Чего хотите? – спросил подстароста.

– А ну, не мешало бы поговорить, – сказал, кашляя, придворный, который смело огляделся. – Наша ясна пани выслала меня вперёд, чтобы тут всё было приготовлено.

Туча заслонила лицо Доршака.

– А что мне тут для них приготовить? – воскликнул он грубовато. – Приготовлено! Кукурузу “мамалыгу” в этой пустыни, в этих руинах! Что им в голову пришло сюда лезть и беды искать.

– Это не моя вещь, – сказал придворный, – поговорите об этом с ясной пани, как приедет. Мне приказали очистить жилище, оборудовать место для коня, овёс и хлеб для людей наготовить.

Доршак нагло смеялся.

– А много вас там? – спросил он.

Придворный задумался.

– Ну, до двадцати наберётся.

Удивление нарисовалось на лице подстаросты.

– Даже столько!

– Да уж! – сказал придворный. – Наша пани, панна, пан Янаш, капеллан, придворные, конюшие, прислуга, гайдуки, венгр.

– Тогда, пожалуй, придётся самому уйти ради них и кочевать под шатром, – воскликнул Доршак и начал прохаживаться, задумчивый.

– Ясна пани говорили мне, чтобы на втором дворе старую башню для неё привели в порядок, – отозвался придворный.

– Пустошь, совы в ней живут, – сказал подстароста.

– Тогда совы дадут себя выгнать, а хотя бы что-нибудь больше, чем совы, – добавил наивно посланец.

В подстаросте, видно, произошла какая-то внутренняя перемена, он постепенно опомнился, остыл и смягчился.

– Тогда сегодня ночью, – промолвил он, – идите отдыхать вниз, поговорим. Будьте здоровы.

Посланец посмотрел на Доршака, на женщину и вышел.

Подстароста, когда тот исчез с его глаз, проворчал что-то сам себе, начал быстро ходить по комнате. Останавливался, бегал и не обращал внимания как Агафья, встав с сиденья, медленным шагом удалилась в другую комнату. Несколько раз он наливал себе из бутылочки, пил и ходил, думая. В латунном подсвечнике гасла свеча... Он сбросил с себя одежду, поправил кожаные подушки на софе и, наполовину раздетый, бросился отдыхать. Свеча вскоре погасла и только трубка, которую курил, минутами красным блеском освещала немного уголок, где почивал Доршак.

Во дворе были слышны трещотки сторожей и храп борзых на полу. Над воротами показалась из-за туч луна и заглядывала бледным лучом в комнату.

* * *

Придворный из Межейевиц, которого хорошо подобрали и снарядили на дорогу предупреждениями, не очень в них нуждался. Из всей челяди пана мечника был это наирасторопнейший и наихитрейший, хладнокровный, спокойной храбрости, великой силы человек, привязанный к семейству, так как был выросшим в их доме сиротой. Звали его Никитой Сиротой. Прозвище досталось ему в детстве. Родителей он не знал, а мало о них что и в усадьбе знали. Скрывался на ферме, потом при пане, а оттого, что легко всё понимал и учился каждой вещи, всё больше его использовали для более важных услуг. Не один раз в одиночку он по несколько тысяч талеров возил в барилках и такие письма, которые было необходимо скрывать и хранить как зеницу ока.

С обозом мечника и на войне он бывал и тёрся о различных людей.

С первых слов он узнал Доршак, и, хотя вечером приехал в замок, уже, прогуливаясь, осмотрел его весь, уже с людьми понемногу и как бы нехотя, разговаривал. В конце концов, когда ему внизу указали какую-то берлогу, сложив в комнате свои выюки, хотя уже наступала ночь, он направился в городок в корчму. Инстинкт простого человека учил его, что нужно было о замке доведываться не в замке. Несколько бедных харчевен находились на пустом рынке. Никита вошёл в одну из них.

Евреи его уже видели, когда он ехал в замок, и о чём-то догадались – гость в этом краю был редким. Когда он вошёл в помещение и его увидели, начали к нему тиснуться евреи. Хотели потчевать его водкой, но той Никитане пил, нашлось кислое вино и велел он его поставить себе, чтобы было при чём сидеть. В низком помещении, довольно обширном, с маленькими окошками, никого уже из городка не было, только очень многочисленная еврейская семья выходила, кружа около прибывшего и с интересом к нему присматриваясь. С тем, который играл роль хозяина, мужчиной среднего возраста, разговориться было трудно – такой язык использовал. Лишь через добрых четверть часа притащился старик, еврей с седой бородой и палкой, в высокой шапке, который, подойдя даже к столу, начал приглядываться к молчащему Никите. От слова к слову дошло до беседы.

Весь смысл был в том, чтобы говорить не много, но узнать как можно больше. Поначалу оба, по-видимому, одинаково имели это намерение, но старик изголодался по людям и дал вытянуть себя за язык.

Никита не утаивал, с чем прибыл.

Старик смотрел на него с великим вниманием. Он, казалось, изучает брошенные слова, с каким человеком имел дело и безопасно ли было с ним говорить. Из речи было видно, что он боялся людей и свет знал достаточно, чтобы не доверять никому.

Дабы что-нибудь вытянуть из старика, Никита начал описывать впечатление, какое на него произвели замок и околица.

– Ежели сюда ясно дамы приедут, – проговорил еврей, – а будет в чём-нибудь нужда, пошлите к нам; что будет возможно, доставим.

– А откуда же возьмёте?

Жид сделал удивлённую мину.

– Разве до Каменца доехать нельзя, хотя там турки сидят. Мы обычные приграничные люди, имеем разрешение от паши и с татарами должны знаться...

– Тогда и пан Доршак тоже? – спросил Никита.

Старик начал сильно качать головой, но слово как бы мимовольно из него вышло.

– Вун! – воскликнул он. – Он с ним трубку курит! Он с ним кофе пьёт, он с ним баранину ест, он ему наилучший приятель! – рукой в воздухе он сделал необычный знак и склонил голову.

– За это хвала Господу Богу! – отпарировал Никита. – Ибо наша пани, по крайней мере, будет в безопасности.

Старичок очень долго молчал, задумавшись.

– А! Вероятно! – но странно пожал плечами.

С час так, может, Никита медленно добивался от старца доверия, который наконец сел при нём. Он спросил о мечнике, его богатстве, связях, значении и, слушая, вздыхал. Никита самым естественным образом обрисовал ему своего пана в наипохвальнейших красках. Выслушав, старик положил ладонь на его руку и шепнул:

– Будь, господин, осторожен.

Никита, платя за это доверие, сказал ему на ухо:

– Достаточно на него посмотреть, чтобы самому себе это сказать.

– Это опасный человек, – добавил еврей, – но цыц... и молчок...

Снова пошло тяжело, а Никита поведал о пане и его доброте и благодарности к тем, кто ему честно служат. Еврей слушал. Доверительно спросил его потом, как ему себя вести.

Старик задумался.

– Ты, господин, имеешь разум, – сказал он, – ничего не нужно бояться и быть бдительным. Я вам одно слово скажу. Он тут уже сам себе паном быть хочет... ему гости не нужны. Он может сделать всё, чтобы избавиться от них, а ему ничто не стоит чужая жизнь, потому что совести у него нет... Он хуже татарина...

Затрепетал старик, говоря, и боязливо огляделся.

– Но мы с вами ни о чём не говорили, а старый Авраам ничего не знает.

И погрузил голову в плечи.

– Велите постелить мне соломы в углу, я тут переночую, – сказал Никита.

Пистолет, который всегда имел за поясом, положив сзади под руку, укутавшись буркой, в углу комнаты Никита поздно заснул. Долго не шёл к нему сон, но утомление превозмогло. Оттого, что он лёг рядом с двойным окном, его разбудил рассвет. В корчме также начиналось движение. Он встал как можно скорее, помолился, от водки на утренний холод не отказался, закусил хлебом с чесноком и пошёл в замок.

Солнце уже взошло, когда он стоял в воротах. В доме, напротив, на лестнице стоял как раз Доршак и, призывая людей, кричал, расспрашивая о нём. Увидев идущего, он крикнул издалека:

– А что же в замке-то не ночевали?

– Разве я обязан в этом отчитываться? – сказал спокойно Никита.

– А! Уж я тут подстароста.

– Только не надо мной, – ответил Никита, – с вашего позволения, я тут гость и вашим приказам не подчиняюсь.

– Значит, мне вас слушать! – вспыхнул Доршак.

– Я тоже приказывать не думаю, – говорил, приближаясь, Никита, – а страха не знаю и никого не испугаюсь.

Посмотрел на него сверху подстароста и немного умолк.

– Что же, плохой был ночлег в замке? – спросил он.

– В корчме мне казалось веселей, – и во всём.

– Тогда вы хотели комнаты для господ посмотреть? – спросил подстароста.

– И на это готов.

– А я ждать вас не имею времени, – подхватил, звеня связкой ключей, Доршак, – я должен ехать.

– Лишь бы ключи, я сам осмотрю, что нужно.

Слыша это, подстароста с гневом бросил связку ключей на ремне с крыльца под ноги стоящему Никите, который, сразу наклонившись, стоял с шапкой на голове и руками в карманах.

Парубок и мальчик в стороне смотрели эту сцену с видимым удивлением, как бы не в состоянии понять смельчака, который сопротивлялся их пану.

Затем Доршак попросил коня и оба бросились ему его подавать. Никита также немного отступил, но не спешил на другой двор, дабы посмотреть, что это будет за конь и всадник. Затем парубок привёл чалого с длинной гривой и хвостом, коня, родом из Турции и по-турецки осёдланного. Потом прибежали борзые и стали перед ним, спустился так же медленно Доршак, похлопал коня по шее, вскочил в седло и, не говоря ни слова, направился к воротам. Тут остановился и обернулся.

– Слышишь, ты! – крикнул он, рукой указывая Никите. – А когда эти ваши гости могут тут быть?

– Не знаю, это в письме стоять должно, мне не говорили.

– А как тебе кажется?

Никита пожал плечами.

– Ничего не знаю, – повторил он.

– Какой же дорогой, какой?

– Этого мне не говорили.

– Сто... съел... а что знаешь? – крикнул Доршак.

Никита, всегда спокойный, зевнул, заслоняясь рукой, (сознательно играл несведущего) и, не спеша, сказал:

– Знаю вот то, что мне нужны комнаты и конюшни и, что увижу, готовить.

Доршак на него посмотрел. Пришпорил коня и поскакал рысью.

Парубок и мальчик, слушающие разговор, не верили своим ушам и от страха втиснулись под навес крыши конюшни.

Только когда подстароста был уже достаточно далеко и на мосту послышался топот, что означало то, что он покинул замок, парубок медленно вышел из укрытия.

Никита, держа в руке ключи, не спеша покружил по замку, чтобы попасть на второй двор. Любопытство и, может, желание послужить Никите, привели за ним парубка, который, осторожно оглядевшись, потащился по его следу.

Отодвинув забор, он входил уже на второй двор, когда рядом с ним очутился парубок.

Был это неуклюжий холоп, видно, с молоду забитый, молчаливый, загоревший докрасна; волосы на голове были коротко подстрижены, лицо и лоб все в морщинах, борода отрасла на дюйм, глаза маленькие, нос сплюснутый, выражение лица вполне звериное, но покорное, вместе хитрое и равнодушное. Его покрывали грубая рубашка и брюки. Их поддерживал зелёный ремень. На ногах имел кожаные, затянутые ремешком. Из-под сукна видна была грудь, загоревшая так же, как лицо, обросшая волосами, как у животных, впалая и странно сторбленная. Боязливыми глазами он преследовал прибывшего и, казалось, что хочет с ним переговорить.

– Как ваше имя? – спросил Никита.

Парубок задумался с ответом и потрогал сначала рукой голову, прежде чем нашёлся, что ответить.

– Гм! Парфен.

– Хотите мне помочь в замке? Дам на водку.

Холоп кивнул головой в знак согласия и пошёл за ним. Помощь, правда, была нужна, потому что, когда пришли к первым дверям и Никита, достав ключ, начал их отворять, с заржавевшим замком справиться собственными силами не мог. Ключ был огромный, а железные элементы впали и приросли к замку. Нескоро, силясь и крутясь, смогли они, наконец, справиться с замком. Двери были уже отворены, но снова понадобилось двойное усилие плеча, чтобы их толкнуть.

– Никто сюда, видно, не заходил? – спросил Никита.

– Зачем? – отпарировал Парфен. – Тут дьяволы ночью устраивают веселье.

Когда старые дубовые двери расступились, можно было действительно подумать, что там внутри двигалась нечистая сила. Летучие мыши и совы, издавна живущие в сенях, затрепетали крыльями; парубок отскочил, крестясь. Никита остановился, но к ногам его полетели летучие мыши и он узнал причину этого движения и, смеясь, вошёл в центр. Внимательно озираясь, парубок несмело последовал за ним.

Сень была выложена камнем, налево от неё большая сводчатая комната с огромным камином была пустой... кусок сломанной скамьи лежал в углу. Её слабо освещали два решётчатых окна. Двери с правой стороны они должны были открывать. И тут нашли сводчатую комнату поменьше, но полную лому, который, лежа долго, тлел, крошился и порос толстым слоем пыли. Остатки ядер, наконечников, копий, секир были перемешаны с рассыпанными дощечками, поломанными столами и тарчанами.

Влажным и затхлым воздухом едва можно было дышать.

В глубине сеней узкая каменная лестница вела наверх. Здесь старательно окованные двери велели ожидать лучшего жилища. Когда их открыли, Никита снова заметил сводчатую залу с камином и печью на высоких ногах, с застеклёнными окнами, глубоко вставленными в стену. Пол был деревянный, трухлявый. Посередине – стол на скрещенных ногах, несколько стульев, обитых кожей. В сенях полки, шкафчики и крапильница у дверей ещё держались, а над крапильницей – Христос на кресте. Несколько ступеней входили отсюда в комнатку поменьше, где стояло ободранное и упавшее на пол ложе. Окрашенные палочки от портьер торчали дивно отогнувшись. Столик, пустой шкаф, стул... ничего больше. И снова две лестницы вниз, узкая комната, выложенная кирпичом, пустая... В ней ветер повыбивал окна и проходил воздух. С правой стороны узкие дверочки вели в маленькую часовню. Узнать её было можно по деревянным нагим алтарям и двум простым подсвечникам. Над ним повешанный образ валялся на полу. По бокам – маленькие шкафчики, несколько истлевших костельных книг. Из часовни узкая дверь вела в коридор, в котором снова была неудобная лестница на второй этаж, заброшенный, с повыбитыми окнами. Стоял тут только пустой сундук, а в нём порванное трепьё вечных бумаг.

Никита, обойдя всё, задумался. Лишь бы стены и крыша, везде можно найти сносный приют. К большим удобствам никто в то время претензий не предъявлял, но грустно было на старой башне... веяло запустением и смертью.

Окна грязные, узкие мало пропускали света. Низкие своды тяготели над головами. Это была каменная тюрьма. Привыкшему к деревянным усадьбам замок казался страшным. Ничего не говоря, только двери оставляя везде открытыми, Никита с парубком, сопровождающим его верно, спустился обратно в сени. Разглядывая тёмные углы, он нашёл под лестницей дверь, но от неё не было ключа. Напрасно пробовали все, ни один не подходил. Взялись, поэтому, обасильными руками и высадили скобы. Они чуть не попадали, когда дверь поддалась... а за ней показалась лестница вниз.

Никита послал парубка за светом, но, может, рад был избавиться от него, потому что, едва тот ушёл, Никита нашёл у себя кусок дорожного фитиля, был у него трут и намазанный серой кнот, зажёг, поэтому, легко и пустился влажными ступенями в глубь. Подземелья стояли открытыми, от куртины только маленькими окошками кое-где освещённые; по углам валялись разбитые бутылки и разные черепки. В одном из них небольшой дубовый люк, который он поднял за ручку вверх, открывал снова лестницу, но глубже уже Никите идти не хотелось, закрыл отверстие и обходил другие подземелья, когда сверху послышался голос парубка. Парфен один в эту глубину идти не отважился. Возвратился к нему придворный и вышли они на свет и дневной воздух.

Никита запер первую дверь, дал тынф Парфену, за что парубок поклонился ему до ног, и отправился, пряча ключи, в первый двор, где вчера оставил выюки. Обширное это здание казалось ему более удобным, но он имел чёткий приказ, хотя бы неудобное, приготовить жилище

в старой башне. Едва он, думая, взялся за свои выюки, когда открылась дверь и вошла молодая четырнадцатилетняя девочка, неся ему завтрак. Босоногая служанка в серой рубашке, с поблекшими волосами, заплетёнными в косы и сложенными на голове, имела на устах грустную улыбку. В ней было видно существо, которым все пользовались.

Молодость, не прийдя к ней, убежала. Цвет лица имела увядший, глаза впалые; истощённые плечи, худые руки и потрескавшиеся от работы ладони. Неся миску, хлеб и бутылку, она смотрела незнакомцу в глаза, как бы испуганная и удивлённая.

Она поставила завтрак на маленьком столике, пододвинула лавку, обернулась вокруг, схватила ручками за конец фартучка и, удалившись к двери, ждала с опущенными очами.

Никите очень хотелось есть.

– Э, что вы, будете меня ждать? – спросил он. – Я медленно ем.

Девушка быстро взглянула, зарумянилась, как румянятся те существа, которым не хватает крови даже на румянец, махнула рукой, но осталась.

Никита смотрел на эту бедолагу.

– Как твоё имя?

Она заслонила фартучком и из-за него шепнула:

– Горпина. Раз отворив уста, она, видно, осмелела и, непрерывно теребя в руке конец фартука, тихонько начала:

– Пани хочет с вами говорить, но... но...

Никита заинтересованно смотрел.

– Как Татьяна пойдёт в город... потому что она доносит... а не нужно, чтобы кто-нибудь знал.

Выполнив это трудную миссию, она мгновение подумала, всё ли уже, и, мигом подскочив к двери, выбежала. На лестнице были слышны её босые ноги.

Никита задумался, покрутил головой, эта тайна показалась ему очень странной.

Около полудня, не имея что делать, он пошёл на двор; нужно же было обдумать конюшни для коней. Ничего подобного здесь для них не было, но под куртинами кусок крыши как-то так заслонял поломанные и дырявые желобы. Некоторые из них лежали на земле. С бедой можно было поместить лошадей. За ним таскался Парфен и показал ему конюшенку немного получше, но в той стояло несколько коней Доршака, покрытых попонами, и нельзя было ожидать, чтобы её хотели уступить. Среди этого осмотра Никита заметил тучную женщину с полным лицом, которая шла с корзиной к воротам. Он бы догадался, что это Татьяна, хотя бы Парфен не назвал её по имени. Таким образом, Никита должен был идти разговаривать с пани и ему казалось, что легче всего будет подождать в нижней комнате эту маленькую Горпинку. Едва он закрыл за собой дверь, в действительности появилась она, ничего не говоря и давая только знак рукой.

Никита пошёл за ней на верх.

В той же комнате, что вчера, на софе сидела Доршакова, ожидая, видно, его. Днём она показалась ему похудевшей и бледной. Чёрные глаза светились, словно омытые слезами.

Она сразу обратилась к стоящему в дверях, кладя палец на уста.

– Человеке, – воскликнула она, – не напрасно тебя господа прислали, ты должен иметь разум... имей же его тут за двоих, потому что и этого не будет слишком много, будь осторожным... Край этот злой... люди нехорошие, обычаи языческие. Кто здесь узнает убийцу? Кто здесь знает, который честный? По-Божьему предостерегаю... и ничего ни кому не говори. Всех нужно остерегаться, всех. Ночью не спать... днём бодрствовать, – она пожала плечами. – Днём ни часу нет безопасного, я тебе говорю.

– Бог заплатит за доброе слово, – ответил Никита, мы – народ военный, ко всему привыкшие... мы сами справлялись, а Бог... для чего же Его опека?

– Да, да, но стережённому Господь Бог стережёт, – всё живей начала говорить женщина. – Это не у вас там, в Польше, когда все свои, тут все чужие. Горы полны бродяг, дороги полны грабителей, дома – предателей и шпионов, а саранчу ветер приносит.

Она вздохнула.

– Ещё стократно говорю: Бог заплатит! – отозвался Никита.

– Подстароста, мой муж, – добавила она, опуская глаза, – человек тяжёлый... жестокий... несдержанный... На своего говорить – грех, а не предостеречь – вина... что делать? Подстрекать не нужно, а покорным быть тоже плохо. Умный человек знает, как говорить и что делать. Идите с Богом... достаточно... достаточно...

Она закрыла свои глаза руками.

Никите сделалось её жаль.

– Пусть Бог стократ платит, – повторил он ещё раз, – дело скорее не обо мне, а о моей пани, за которую человек жизнь бы отдал, а как будет нужно, каждый из нас её отдаст.

– Зачем же женщинам сюда было ехать? Зачем? – повторила Доршакова.

Никита пожал плечами.

– А вот это называется их собственностью. Наша госпожа очень бережлива, хотелось хоть посмотреть эти развалины. Не скажу, чтобы край был отвратительным, ибо, как у нас, красиво, а местами глаза поражает. Что оттого, когда люди нехорошие и целый день в деревне человека не увидеть.

– За это ещё Богу благодарность, – добавила Доршакова, – хуже такого встретить, у которого жизнь и собственность просить нужно.

Она беспокойно огляделась вокруг.

– Идите с Богом, – сказала она, – и молчите, – она положила пальцы на уста.

Никита вышел. Неподалёку он увидел стоящую на часах Горпинку, которая, дождавшись его, быстро вбежала к пани.

Бедному посланцу не хотелось уже возвращаться в комнату – так ему всё то, что видел и слышал, ходило по голове. Он чувствовал необходимость посоветоваться сам с собой.

Из этого совещания вышло то же, что почти всегда: ему казалось, что так уж бояться было нечего. Не застал он здесь, по правде говоря, то доброе, какое желал и надеялся, но зло также не было чрезмерным. Привыкший к военным экспедициям по ещё более худшим пустошам, к опасности, которая весело и охотно побеждалась, почти был рад, что тут со сложенными руками сидеть было невозможно.

– Доршак плохой – это правда, – говорил он в духе, – а один плохой человек может много, имеются для этого хорошие друзья и даже его собственная жена. И предупреждённый человек много значит. Поэтому легко быть начеку и всё-таки я не один здесь буду... проконтролируем его и ничего плохого не дадим сделать...

Так себе прибавляя мужества, Никита пошёл к старому еврею.

– А что, – спросил он, поздоровавшись с ним, – подстароста снова на охоту выбрался?

Абрам пожал плечами.

– На охоту! – сказал он. – Но на какого зверя он охотится, этого никто не знает, и куда ездит. Достаточно, что дома его никогда нет. Счастье ещё, ежели на ночь воротится. Где бывает в гостях и каких сюда иногда людей приводит, а как им всем в глаза смотрит... ну!

И еврей замолчал.

Никита сказал себе, что должен за всем пристально следить.

* * *

Благодаря пани мечниковой, в Межейевицах, как мало в каком дворе, было богато и в порядке, даже мило для глаз.

Ибо мало на свете таких женщин, как она, и не напрасно её своей золотой Хандзей пан мечник называл. Она была создана для весёлой работы, как птичка. Никогда её лицо не хмурилось, не вышел из уст ни упрёк, ни жалоба на усталость. Сожалела только, что жизнь её проходила так быстро. Муж редко просиживал в доме, был тут почти гостем, она стояла за него и за себя.

Весь день был расписан, ни одной потерянной минуты. Другие люди во дворе также, видя госпожу такой чинной и охочей до работы, бездельничать не могли. Двигалось там всё как в муравейнике. Двор был многочисленный, но, кроме старого Делиана, резидента, который по причине пожилого возраста будучи свободным, ещё ловил рыбу либо надзирал в саду, каждый имел занятие и никому отдыхать было нельзя.

Мечникова, хотя имела дочку шестнадцати лет, сама выглядела свежо и молодо. Высокого роста, крепко сложенная, кровь с молоком, зубы как жемчуг, уста румяные, глаза, смотрящие смело, просто и говорящие искренно, сразу поражали первый взгляд восхищённых глаз. Но при этом всё была великая и вынуждающая к уважению серьёзность. Что-то рыцарского имела в себе дочка солдата и, несмотря на это, женское обаяние и нежность. Не любила она наряжаться и никогда никто не видел её запущенной с утра. Она находила это и говорила открыто, что женщина обязана стараться выглядеть красивой, но не как попугай. Зачастую также она была одета в чёрное, но свежо и со вкусом. Она не боялась ни коня, ни стрельбы, по той причине, что её покойный отец, не имея сына, ради забавы, приучал её ко всему. Говорили, что она славно стреляла, но, выйдя замуж, уже этим не развлекалась.

Свою Ядзю также не учила стрелять, но влила в неё своё мужество, открытость и тот рыцарский характер и весёлый ум, который не даёт никогда пасть духом.

Молодая девушка была похожа на мать, только ещё стройнее и красивее, нежели она, потому что черты имела изнеженные, деликатные, больше женской красоты и блеска. Во дворе панинку все так любили, что дали бы поубивать себя за неё. Достаточно ей было о чём-нибудь вздохнуть, хотя бы даже не кивнула, всё, что жило, пыталось исполнить её желание. Её благодарная улыбочка была наградой. Самый старший из всех, восемнадцатилетний Делиан, не отрицал того, что был в неё влюблён. Что же поведать о молодом Янаше, который почти с ней воспитывался и был для неё самым прилежным слугой, как бы братом? Правда, что достойный Корчак, с детства в этом доме, любил также мечникову и мечника, полюбил все дела и чувства их обоих, но для Ядвизи жизни бы не пожалел.

Маленьким осиротевшим ребёнком, истощённым, привезли его по приказу мечника в Межейевицы. Были ему те Корчаки дальними родственниками. Отец Янашка, некогда богатый, всю собственность пустил по миру по причине своеволия. Не было мота более ужасного, нежели он, пил как губка, рубался ежедневно, имел лицо, всё исполосованное саблями, из чего искал славы. Лишь бы слово, плевал в горсть и брался за карабели. Две деревни ушло на пиршества с добрыми приятелями, из которых ни одного не осталось, когда его объели и обпили. Мать умерла с горя; наконец старого Корчака рубака похлеще него так саданул по шее, что, не выговорив: «Иисус», упал, обливаясь кровью. Остался ребёнок сиротой, которого родственники так опекали, что ему гусей давали пасти.

Исхудал бедняга и чуть не умер, когда его принял мечник. Привезли на телеге в Межейевицы только детскую тень в порванной рубашке; он был босой, грязный и едва дышавший. Семья мечника имела над ним милосердие, искренне его приняли, чтобы восстановить. Вскоре ребёнка невозможно было узнать. Мальчик был редкой красоты, а когда попал на богатый хлеб, рос как на дрожжах, и вымахал на паньча. В зародыше, видно, имел ту шляхетскую природу, а так как попал к добрым людям, вырос из него юноша, которым мечниковы могли похвалиться. Сначала в доме его учил принятый бакалавр, потом его отдали в Люблинские школы, где он жадно глотал науку, наконец, при мечнике готовился пойти в солдаты. Всё у него шло легко, потому что ум был быстрый, и Збоинский говорил:

– Нет ничего лучше, когда человек смолоду бедность испробует, потом вырастает ещё здоровей и всё ему хорошо, и всё легко.

Была это правая рука на дворе во всём, хотя сердцем больше всегот любил рыцарское дело и жизнь. Конь, сабля, рушница, лук – были его наимилейшими забавами. Но и с юристами о юриспруденции умел вести диспуты, с кседзем – о вещах святых, со старыми – о прошлых.

Во дворе его держали почти как собственного ребёнка, но Янаш хорошо помнил, чем был обязан мечнику, таким образом, чем вольней ему было, тем меньше он этим пользовался, потому что был удивительно скромный и покорный.

Достаточно сказать, что имея в доме шестнадцатилетнюю дочку, мечник по поводу милого двадцатилетнего парня ни малейших забот не имел. Любили по-Божьему, как брата с сестрой, не тая, не скрывая, ни желая больше, чем то, чтобы каждый день друг с другом говорить, улыбаться и услужить один другому. Очень часто при Янаше вели диспуты о будущей судьбе наследницы Межейевиц, для которой якобы кого-то из сенаторского дома ожидать согласились. Янашек только одного желал: чтобы человек был её достоин.

Ядзя подшучивала над Корчаком, что он когда-нибудь жениться, и наивно ему предсказывала панну с богатым приданым и красивой деревней. Правда, что так заговорённый, Янаш сильно краснел и с великим запалом ручался, что никогда не жениться, что хочет служить рыцарем, а солдату женатым быть не пристало, так как ему всегда сердца не хватает, когда семью вспомнит. Иногда аж до клятвы к этому рвался, но над ним смеялись и не разрешали клясться впустую, потому что в то время клятва в глазах Бога так связывала человека, что его никакая сила на свете от неё развязать не могла...

Несмотря на молодой возраст, имел Корчак столько опыта, хлоднокровия и непревзойдённости, что ему семью доверить мечник не колебался. Также весь двор был подобран так, что с ним ни мечникова, ни он проблем иметь не могли. Плохого в Межейевицах ничего долго не сохранялось.

Ксендз Жудра, капеллан, некогда также товарищ по гетманской хоругви, хотя ксендз, был смелый, спокойного духа и большой рассудительности. Часто сним мечник советовался и для Янаша в дороге мог быть великой помощью, потому что, хотя в тех краях не бывал, столько с разными людьми общался, столько на свете наслышался, что знал больше других...

Шесть человек челяди, выбранные из тех, что были самые крепкие и верные, холоп в холопа, гайдуки Холоба и Тракевич головой перерастали всех и были также созданы для такой экспедиции.

Таким образом, оба были в обозе и нелегко их было чем утешить. Самый слабый из всех, венгр Гича, хотя, по-видимому, происходил из венгров, воспитанный с детства на дворе, полностью освоился, а был ловкий, энергичный, немного мошенник, но отважный как старик, и готовый схватиться с гигантом.

Хотя мечникова об этом путешествии отнюдь не беспокоила, будучи уверенной, что турки и татары делают сейчас что-нибудь другое... старик сам, не тревожась, людям по отдельности рекомендовал самую большую осторожность в путешествии, Конри, брат Никиты, всегда опережал на несколько часов двор, а дали ему самого лучшего коня, чтобы в случае какой опасности мог вернуться, и вовремя. Из двух человек состояла тыльная охрана, остальные громоздились около колебки, кареты, на котором ехал ксендз Жудра, и другой с запасным кормом для коней и кухней.

Осень очень удачно выдалась тёплой и приятной. Ночи бывали холодные, но дни почти жаркие. Ядзя, которая не много путешествовала, удивлялась и радовалась всему: городам и костёлам, деревням и лесам, зелёным горам, разной одежде и разнообразной речи людей.

Первые дни путешествия шли очень благополучно, конь не захромал, ни одно колесо не испортилось, ничего не потеряли и, несмотря на пересекающиеся дороги, нигде не заплутали.

Мечник на карте выписал весь пусть и чуть ли не пастбища и ночлеги так разумно, что его маршруту придерживались, ни в каких изменениях не нуждаясь...

Янаш Корчак почти всё время ехал верхом возле колебки, объясняя панне, что понимал, и показывая, что ему попадало на глаза.

Кавалькада была панская и люди охотно уступали ей тракт, низко кланяясь...

На пастбищах и ночлегах, где только находил костёл, ксендз Жудра заходил в дом приходского священника либо получал информацию в монастыре, а часто и сердечный приём.

Так отбыли значительную часть дороги, и Волынь мечникова проехала счастливо.

Приближались к границам Подолья и Гродку. Кони были немного утомлены, поэтому в Старом Константинове намеревались день отдохнуть. Край околичный, плодородный и красивый очень понравился, меньше – бедный городок, в коем только остатки замка, доминиканский и капуцинский монастыри были всем украшением. Они заняли дом на рынке и свободно разгостились, отдыхая, а также и осенний дождь полил, который долго висел над ними. Ксендз Жудра, не обращая на него внимания, сразу пошёл к доминиканскому священнику. Было это ближе к вечеру. Приора он нашёл дома, по странному совпадению это был его давний знакомый Яцек Заяц, некогда так же солдат, которого потом ксендз Жудра встретил в рясе.

Увидев его, приор даже перекрестился.

– А ты тут, отче, что делаешь? Всякий дух Господа Бога прославляет! Откуда ты взялся?

– С дождём выпал, – смеясь, ответил капеллан.

Посадив его тогда и приказав принести рюмочку вина, ксендз Заяц начал расспрашивать. Всем в то время была интересна экспедиция короля Яна против неверных, о которой расходилась слава, что в лиге с другими христианскими монархами он может нанести смертельный удар мощи турков в Европе.

Тут, сидя почти на краю, гораздо меньше знали, что делалось на другой границе, следовательно, вопросов было без конца. Ксендз Жудра во многом удовлетворил его любопытство.

– Достопочтенный отец, – сказал он в конце, – дайте же мне тогда спросить у вас о том, чего нужно...

– Говори, ксендз, – отпарировал весело приор.

– Тогда знайте, что я сюда не один прибыл и не *per des apostolo-rum*, но со двором моей пани и добродетельницы, пани мечниковой Збоинской из Межейевиц. Мы едем, могу сказать, на край света. Святая и благородная наша пани, но когда чего-нибудь пожелает, расступись земля – должно это быть. Имеет мечник с давних лет на самом пограничье Подола...

– Гродек, – прервал приор, – знаю, знаю, потому что там бывал.

– Слава, пане, – воскликнул, вставая, Жудра, – тогда, по крайней мере, вы можете мне поведать что-нибудь о нём и как туда доехать и как там вести себя.

Приор, казалось, минуту раздумывал и смотрел Жудре в глаза.

– Со всяким уважением к вашей пани мечниковой, – начал он, – я вам скажу, что действительно она женским разумом себе эти путешествия заслонила. Вы можете доехать, но чтобы вы целыми возвратились!... За это никто разумный не поручится...

– Почему? – воскликнул испуганный Жудра, ломая руки.

– Потому что более опасного угла, чем этот, нет на свете. Татары, Липки, бродяги, банды самой разнообразной черни там на краю взяли себе пристанище. Что же вы им в пасть лезть хотите?

Ксендз-приор остановился и добавил потихоньку:

– Вам ничего лучшего не остаётся делать, только, отдохнув в Константинове, во имя Бога вернуться домой.

– Но этого не может быть! Этого быть не может, – сказал ксендз Жудра, – нужно знать мечникову, *hic mulier*, дочка также почти ребёнок, но мужского духа.

– Что? И с ребёнком выбралась? – закричал приор, поднимая плечи. – Вы головы потеряли...

Ксендз Жудра чрезвычайно смешался.

– Что тут поделать?

– Что поделать? Вернуться! Говорю вам, о путешествии не думайте! Вы считаете, что все татары пошли на Вену? Этой саранчи до избытка осталось на рубежах... Неисчерпаемая тьма на границах ждёт, чтобы грабить...

Видя, что Жудра, укрыв голову руками, сильно задумался, приор говорил, по-прежнему ходя и оттягивая чёрный пояс, так как был достаточно тучный и имел привычку всегда его поправлять, чтобы не съезжал вверх.

– Не хочу чинить вам напрасного страха, но не достаточно, что этот Гродек в дыре на самой границе, а три замчика также укреплены турками – ещё там живёт настоящий дьявол, которого вы сами посадили... Вы знаете, почему на Гродек никогда не было нападения? Потому что этот негодяй Доршак с татарами знается, на деревни их наводит, добычей с ними делится. Знают его все в окoliце и все перед ним дрожат. Притворяясь наследником Гродка, потому что им почти есть, если не *de jure* то *de hajda*, женился на дочке богатого армянина в Каменце, которой там мученическое с ним житьё... Все о том знают... Если бы удалось королю Яну турка изгнать прочь, не один бы расчёт с Доршаком попал на стол для ликвидации. Негодяй из-под тёмной звезды, – закончил приор, – имеет в том выгоду, чтобы ему воды никто не мутил, а мечникова едет сама отдаться в его руки... Что, пожалуй, безумие.

– Отец мой, мы об этом совсем не ведали, это вещи новые, – воскликнул Жудра. – Божья милость и истинное Провидение, что я, приведённый каким-то инстинктом, зашёл сюда и с вами встретился. Это одно может нас спасти... Но, отец мой, вы мне, ради любви Спасителя, не отказывайтесь пойти со мной к мечниковой – хотя это всё ясно, хотя разум говорит: возвращайтесь, пока целы, думаете, что я верю в то, что эта женщина испугается и вернётся.

Он пожал плечами, приор улыбнулся.

– Ведь пани разумная...

– Дай Бог каждому...

– Ребёнка любит?..

– Разрывается с ним... но, отец мой, это дочка солдата и сердце рыцарское... Люди, двор, дочка, все хоть сегодня на коня и на татарина... Кто же их знает? Их то и толкает, что нас тревога берёт.

– А ну, хорошо, – подхватил приор, – если бы имели с собой хоть человек пятьсот вооружённых людей. А много вас?

– Едва двадцать человек наберётся....

Приор громко начал смеяться, наклонил свой фонарь и, кладя широкую и пухлую руку на плечи кс. Жудры, сказал:

– Успокойтесь, мы не дадим ей сделать этого безумства. Пойду к ней завтра сам или лучше приглашу её к нам святую мессу. Отпою сам заутреню на их предприятие, Святому Духу, потом ко мне на завтрак... Мы разговоримся, а уж я буду знать как говорить.

– Мечник будет вам благодарен, – поддержал Жудра. – Он был жестоко угрюм... очень этому противился... но госпоже захотелось, ребёнку тоже... не было возможности...

– Это только доказательство, что вы издалека, края не знаете, – говорил приор, – если вы там могли себе этот проблемный угол представлять безопасным...

Они ещё долго разговаривали, капеллан вышел в плохом настроении. Месса была назначена на десять часов. Он вернулся на постоялый двор к мечниковой, упомянул о приоре, приглашении, пробормотал что-то о том, что люди в окoliце, в которую они направлялись, говорят не лучше, но особенно не распространяются, отложил дело до завтра, сдав его приору.

На следующий день, счастьем, с утра просветлело, осталась только эта непролазная волынская грязь, в которой люди часто теряют ботинки – так хорошо хватает за ноги... Запрягли колекбу, потому что от рынка до доминиканов был добрый кусок дороги, а по доскам и кирпичам переход был неудобный.

Костёл, сегодня стоящий развалиной, тогда выглядел замечательно. Едва вошли в него мечникова с дочкой, капеллан, Янаш и служба, тотчас приступили к заутрене и выступил приор с ассистенцией перед алтарь св. Духа...

Заиграли органы, обрадовались души, так как служба была красивой и великолепной. Чуть она закончилась, а кс. Заяц подошёл с дискосом к мечниковой, капеллан, который уже знал все дороги, проводил её к кельи приора. Там его ещё не застали, потому что молился после мессы, но завтрак был готов, а, немного подождав, и кс. Заяц появился с весёлым лицом, приветствуя милых гостей и выражая радость, что их может принять в бедном монастыре.

Приём, однако же, вовсе бедности не выявлял, а, скорее, был роскошным и существенным...

Разговор начался весело...

– Мне вчера мой старый приятель Жудра говорил, – сказал приор, – что вы выбрались в Гродек. Я не хотел верить ушам.

– А это почему, приор добродетель?

– Потому что это самая турецкая граница и сам пресловутый разбойничий вертеп, куда по доброй воле никто бы сегодня не выбрался.

Он посмотрел на пани мечникову, которая просто вынимала из розенки сливки, но на её лице он не заметил знака малейшего беспокойства.

– А! Отец мой, – сказала она, смеясь, – страхи не ляхи...

Издалека всё страшно, но мы как-то, хоть и женщины, имеем храбрые сердца и не тревожимся, как видите.

Приор посмотрел на Жудру. Жудра на него – плохо...

– Прекрасная это вещь – мужество, – ответил доминиканец, – но напрасно подвергать себя опасности...

– Что же и кто нам сделать может? – спросила мечникова.

– Сперва, и дорога, проходящая по оврагам, не очень безопасна от нападения, – говорил приор, – потом, не хочется мне говорить, но подстароста Доршак в плохой репутации. Народ его подозревает, что он с грабителями Липками заодно...

– Тогда для нас безопасность, – отозвалась спокойно мечникова, – потому что своим панам не даст вреда учинить...

– А вы думаете, что им там рад будет? – спросил ксендз.

Мечникова немного задумалась.

– Это может быть, – проговорила она, – а ну, Божья помощь и опека не допустит плохого. Столько уже проехали дорог, не много осталось, еслибы мы, отступив, вернулись, смех был бы немалый.

– Я признаюсь, ясновельможная мечникова, – прервал приор, – что предпочитаю смех плачу...

– Бог не допустит, – спокойно отпарировала пани Збоинская. – Нас кучка, люди хорошо вооружены...

– Если речь идёт о ста татарах, – вставил Янаш, – я со своими людьми смело ставлю чело, не заботясь... больше их там трудно сейчас, по-видимому, найти, потому что все отправились под Вену...

– Что, милостивый государь! – крикнул горячо доминиканец. – Вы этих краёв не знаете. Там такой рой, что, если бы несколько десятков тысяч вышло, будет достаточно для нашего поражения. Недавно две деревни в пепле нашли, из двух дворов шляхту увели в ясырь...

Не испуганная мечникова глядела на говорящего.

– Есть же там оборонительный замок, – сказала она, – если бы и напали...

– Э! Тогда бы мы оборонились! – воскликнула Ядзя весело.

– Мы не напрасно солдатские дочки и жёны, – докинула мечникова, – мы бы справились!

А! Если бы ты, приор добродетель, наших людей знал и их мужество, мог бы быть таким спокойным, как я...

Кс. Заяц так был удивлён, что ему ненадолго изменила речь, смотрел на этих неустрашимых женщин, слушал спокойные их ответы, и перекрестился, понять этого не в состоянии.

Наконец он глубоко вздохнул.

– Желая хорошо подумать, – добавил он, – потому что опасность может быть больше, чем кажется...

– И мы благодарны вам, господин добродетель, за предупреждение, – отозвалась мечникова, – так как половина её убывает, как скоро мы о ней знаем.

Она посмотрела на Янаша, у которого засверкали глаза.

– Не правда ли, Янаш, – спросила она, – что сердце у нас от этого не убудет?

– Вырастет, пожалуй, – отпарировал бодро Корчак.

– С восхищением на это смотрю, – вставил приор, – но прошу об одном. Не верите мне или легко принимаете, что говорю, соблаговолите людей спросить... пусть подтвердят другие...

В эти минуты он ударил себя по лбу.

– С позволения, – добавил он, – как раз в костёле я видел шляхтича, брат которого у нас в послушниках есть. Синеутой зовут. Он вроде бы из тех сторон едет... Если его застану, попрошу его, чтобы пришёл передать дело...

Приор двинулся к двери и, что-то шепнув на ухо брату, послал его сразу за Сениутой.

Более десяти минут утекло, прежде чем дверь отворилась снова и впустила шляхтича, который прежде всего поцеловал руку приора и занял место недалеко от порога. Эта была особенная фигура, больше созданная для седла, нежели для пехоты... маленький, ноги имел искривлённые от езды, как два лука, плечи почти той широты, сколько имел высоты, на них большая голова, подбритая, с кустистыми усами, лоб как бы тремя частями, тремя глубокими морщинками перерезан... Руки спадали ему почти до колен, а обувь до них с другой стороны доходила... Грубая куртка, стянутая подбитым поясом, покрывала ему широкую грудь. Стоять, быть может, он не привык, потому что беспокойно переступал с одной ноги на другую и топтался, а то, что ещё говорить не имел возможности, поэтому откашливался.

– Пане Чесникович, – отозвался приор, – вы, видимо, от границ едете?

Громким, немного хриплым голосом он сначала рассмеялся, глядя чуприну.

– А ну! А вот уж, – сказал он, – потому что это... милостивый государь... этого... (тут он вздохнул) родители кислые яблоки ели, а у детей зубы болят... но... милостивый государь. Мы имели там прекрасные земли, а теперь до собак опустились. Я едва на хуторе... а брат в монастыре и оба голые... милостивый государь...

Он снова погладил чурину, переступил на другую ногу, откашлялся и добросил:

– А вот уж...

– А что же там слышать? Спокойно? – спросил кс. Заяц.

Сениута начал смеяться, тереть голову и кашлять... Кашель ему, видно, служил для собирания мыслей.

– Когда же это, милостивый государь, того... с позволения, в осинном гнезде спокойно? Но? Но?

– Но татаров нет? – спросил ксендз.

– Как – нет! Этой мерзости, когда бы это не было? Их нет, но они скрываются в мышиные дыры... и вместе...

Тут шляхтич закричал, подражая крику дикарей, аж женщины вздрогнули.

– Вместе... как град!

Трудно было с фантастическим паном Сениутой разговаривать, поэтому, приор сказал прямо:

– Ясновельможная мечникова Збоинская как раз туда выбралась в свои земли... ты, наверно, Чесникович, его знаешь... тот Гродек, что на границе?

– А это Доршака Гродек? – подхватил Сениута.

– Это наш подстароста! – сказала мечникова.

Сениута сильно вытаращил глаза и раскрыл рот.

– Но того, – буркнул он, – он себя там наследником и паном именует! А что мне до этого, пусть будет, чей хочет! – и махнул рукой.

– А безопасно туда ехать? – спросил ксендз.

Чесникович, переступая с ноги на ногу, размышлял и кашлял.

– Лгать перед ясновельможной паной и перед достойным наимилейшим приором, у которого мой близкий родственник нашёл приют, да хранит меня Матерь Божья, – сказал он медленно. – То Сениуте покажется... Мы опустились до собак – нет слов, но собаку глаза не предадут, но того... Поэтому я должен всю правду... Доршак – задира, а околица – как в крапиве.

Он закашлял ещё сильнее.

– А ну, чтобы из-за волка не идти в лес – то снова, ваша милость, но того, не выпадает... Может быть проблема. Может уйти сухим. Двоим бабка предсказывала. Человек раз родится и раз умирает...

Мечникова усмехнулась...

– Совершенно правильно, ваша милость, пане Чесникович, – воскликнула она, – я как раз поэтому еду, что Доршак задира... потому что его отсюда нужно раз вытеснить. Десять лет сломанного гроша не даёт.

Чесникович блеснул глазами.

– А скряга, но того, денег имеет, как еврей, – начал он, – и откуда? Один Бог знает, он – другой, дьявол – третий... а татарин – четвёртый... Гм! Гм!

Он очень живо задвигался.

– Куда едете, ваша милость, пане Сениута? – спросила мечникова.

– Я? – указывая на грудь пальцем, отозвался шляхтич.

– Да, ваша милость.

– Я приехал брата увести, потому что мне снилось, что ем кислое молоко... думал, упаси Боже, не случилось ли с ним какое несчастье... Ну! И, отдав долг уважения ксендзу-приору и обняв брата, – что делать? На хутор мой вернуться.

– В ту самую сторону?

– Вот в ту самую...

– Присоединяйтесь к нам, ваша милость, – воскликнула мечникова. – Сначала и конь ничего стоять не будет, а потом, как Бог даст, до Гродка... ещё что-нибудь найдётся...

Чесникович поклонился до самой земли и сказал:

– На поводыря сдамся, а если бы дошло и огонь высечь... всё-таки это кровь Сениутов... не обманитесь... Но, клянусь, и жертвую собой...

Напрасно уже было трудиться над паней мечниковой, которая, попрощавшись с приором, оставя дар для костёла, уехала на постоянный двор... где Сениута вечером обещал появиться, объявив, что имеет самопал, пистолет и саблю...

Затем сразу, не дожидаясь, велели людям привести в порядок в Константинове оружие, собрать груз... а так как под ночь прояснилось, на следующий день собирались двинуться в дальнейшее путешествие...

* * *

Согласно объявлению Чесниковича Сениуты, который с самопалом, накрутив усы, ехал впереди, до Гродка уже оставалась только миля... край представлялся всё более диким, более красивым, более гористым, а дорога всё хуже.

На эту одну милю несколько оставшихся часов дня не было слишком много, потому что были вынуждены тащиться нога за ногой. Размытые тропинки, которыми иногда проезжали только двухколёсные арбы, для колебки слишком узкие, полные камней и ям, чрезвычайно затрудняли дорогу, так, что карету то с одной, то с другой стороны люди должны были поддерживать и носить почти на руках, чтобы не перевернулась... Покрытые зарослями холмы казались пустыми и немymi. Даже птицы, что оживляли их летом, по большей части улетели. Иногда орёл величественно поднимался вверх, медленно плыл, останавливался в воздухе и казался разглядывающим землю... В кустах иногда шелестело, словно убежал испуганный зверь... и снова тишина вокруг... торжественная и грустная...

Мечникова и Ядзя с интересом выглядывали из кареты... По дороге живой души не встречали... Утром этого дня, как сквозь грязный муравейник, проехали, вооружившись, через цыганский лагерь. Бросилась эта дичь под видом просящих милостыню, а на самом деле для кражи, на кареты и людей. Мечникова высыпала горсть грошиков, чтобы избавиться от них, а люди должны были позднее браться за сабли, чтобы хватающих за узду коней устрасить.

Одного свободного коня, что, испугавшись, убежал, уже цыгане похитили и гнали с ним в лес, когда Сениута, догнав их, выстрелил в воздух, ударил несколько раз плашмя, и коня вернул. С этой поры ни человека, ни зверя, ни человеческого жилища уже не встречали. Несколько сожжённых остовов и задымлённых каминов стояли у дороги. На одном таком пепелище они должны были сделать привал, пользуясь тем, что поблизости была хорошая вода для коня и корм, потому что о сене уже и речи не было.

Край, однако, был дивно красив, как бы ждал со своими богатствами людей. Всё расло буйно, высоко, густо. Но прежде культурные поля лежали под паром, а среди них едва где одичавшая рожь, которая сеялась сама, давала свидетельство о прошлом.

На взгорьях были иногда видны голые стены поверженных замков, которые наполовину покрывали сорняки и заросли.

К вечеру дорога, которой вёл Сениута, пошла через горы и овраги. Редко где зеленела долина. Дубовый лес покрывал холмы и зарос так густо, что глаз на расстоянии шага разглядеть не мог.

Янашек ехал уже теперь с Сениутой, потому что при карете места не было. Иногда только он подбегал к дверкам, дабы что-то поведать, о чём-то спросить, посмотреть в глаза Ядзи и по ним отгадать, желает ли чего. Девушка постоянно высовывала головку, дивясь Божьему свету. Вечер был золотисто-красивый, небо ясное, а куда падал солнечный луч, словно устилал дорогу золотой нитью. Над дорогой, хотя была поздняя осень, кое-где запоздалый цветочек манил глаза и руки. Он стоял как бы удивлённый среди сухих стеблей, гость незваный и грустный. Некоторые деревья ещё были зелёные, иные жёлтые, иные румяные, на немногих холодный ветер высушил листья и стряс. Среди этой тишины, когда карета остановилась, чтобы обдумать какую-то переправу, было слышно журчание ручья, который, бормоча, бежал с гор, вспененный, в долину.

Сениута ехал, внимательно оглядываясь с гетманской серьёзностью, которую приписывал своей старой крови; за ним ехал Янаш, с любопытством разглядывая горы. Люди не смели говорить, но очень им этот красивый пустынный край, с его адскими дорогами хотелось проклипать. Ксендз Жудра в карете, достав брeвиарий, читал молитвы и восхвалял Бога. В другой

Франка, единственная женщина, взятая для услуг, которую постоянно пугали разбойниками, от тревоги, бледная, ломала руки.

Уже час они так всё более тёмными оврагами волочились, солнце скрылось за горами, хотя ещё не зашло, делалось темно и Сениута из-за плохих дорог советовал поспешить.

Мечникова, видя себя уже почти у ворот, немного триумфовала, что напрасным страхам отвести от своего намерения не дала.

Гродка только что было не видать. Ядзю забавляло всё, а многие вещи казались ей совсем новыми. Край в действительности принимал различную форму; даже до скал и камней это были неизвестные существа.

Упали сумерки, когда Янашек подсказал к двери сказать, что последний овраг скоро кончится и что гродецкий замок увидят через минуту.

Не было уже способа мечниковой и Ядзи удержаться в карете, шторы которой заслоняли вид. Они велели остановить, и вышли. Действительно, широко открытый овраг позволял смотреть на узкую долину, среди которой, на мысе, освещённый отблеском заходящей луны, поднимался серый замок.

Мечникова произносила благодарственную молитву. Ядзя также. Глаза её сияли. Видно, однако, в замке чего-то иного должна была ожидать, он показался ей понурой руиной, она шепнула матери:

– Дико это, мама, и грустно...

Ещё скучней, чем замок, показалось местечко со своими домами из хвороста и глины, корчмами, запавшими в землю. Все люди также с интересом смотрели на замок, но не весёлыми глазами. Действительно, он был похож на нежилую руину. Из одной трубы немного поднимался вверх дым.

Кареты и кони стояли так какое-то время, выглядывая из оврага, пока Сениута не командовал, что пора ехать, потому что потом внезапно нагрянут сумерки. Действительно, чем чище небо, а облаков меньше, которые, как зеркала, остатки света дольше отражают к земле, тем внезапней спускается ночь. Таким образом, они медленно двинулись, потому что уже было на полчаса дороги до замка.

Местечко показывалось всё отчётливей. В некоторых окнах поблёскивали красные огоньки. Уже приближались к нему, когда примчался всадник. Он подъехал к карете, поднял с головы шапку и приветствовал радостным возгласом. Был это Никита, который издали у оврага заметив кавалькаду, вскочил на коня и выехал приветствовать госпожу.

Также поздоровалась с ним мечникова.

– Есть где переночевать? – спросила она.

Никита пожал плечами.

– Ещё бы, – сказал он, – но не на торжество пани сюда едет, и то хорошо, что счастливо и здорово.

Он поцеловал её руку.

– Ещё с паном Янашем нужно словечком перемолвиться.

И, убежав, он сел на коня, чтобы догнать впереди едущего.

Сениута с самопалом у седла составлял переднюю стражу, поэтому можно было поговорить свободно. Янашка любили все.

– Паныч, – шепнул, догоняя его, Никита, – долго бы говорить, что я тут застал, скажу одним словом: плохо светиться, нужно день и ночь бдить и глаз не спускать с Доршака.

– Нас уже немного предупредили, – сказал Янашис, – но я сердца от этого... Ты хорошо знаешь замок?

– Все углы исходил, в каждую дыру заглянул, – сказал Никита.

– Людей он там своих много имеет? – спросил Корчак.

– Этого там нечего и считать, но с кем он нюхается, один Бог знает. Замок двойной: нижний и верхний. Кроме колебки и коней, которые должны, вроде бы, оставить в нижнем, нам там места нет, только весь верхний можно занять одним и никого туда больше не пускать. Правда, что ворота не закрываются, но я их поправил, как мы возьмёмся за них, должны запереться.

– Не отходи же от меня и будь мне в помощь, – шепнул Янаш, – на тебя рассчитываю, как на самого себя.

– О! Мы должны крепко держаться, хотим же уйти целыми, – муркнул Никита. – Доршак не глуп, будет, наверное, угождать пани и притворяться верным слугой, но пани следует предостеречь.

– Ох! Ох! Угадает она его через шкуру...

Так разговаривая, приближались они к местечку, а так как из него был открытый вид на долину и люди давно заметили карету, высыпало всё население на рынок. Это было собранное братство, по большей части осёдлые бродяги: валахи, русины, армяне, люди неизвестного происхождения, внешности дикой и немного поражающей. Они стояли в рубашках, в наброшенных на спины свитах, одни с обритой головой, другие с длинными до плеч волосами, одни с открытыми головами, другие в бараньих шапках и татарских крымках, смотря дикими глазами, мрачно и грозно. Перед корчмами стояли евреи, еврейки и дети. Мечникова и Ядзя смотрели с интересом. Карета медленно скользила к замковому мосту. Подъехав сюда, Никита соскочил, советуя пани сойти, потому что мост был не очень надёжный, и желал сначала провести коней, а колебку толкать. С другой стороны, за мостом, был виден Доршак, который, хотя его лицо кривилось от злости и гнева, стоял нарядно одетый: шёлковый жупаник, чёрный бархатный контуш, сбоку сабля, жёлтые ботинки, шапка под мышком, а в руке на тарелке держал хлеб и соль. Он, видимо, старался принять более мягкое выражение лица, как можно более покорную физиономию. Неизвестно, сама ли собой, или по его приказу так же вышла и стояла за ним пани Доршакова в чёрном платье и турецком кафтанчике, голова была покрыта шёлковым красивым платком. Её лицо восточного типа, несмотря на измождение, поражало гордыми остатками давней привлекательности. За ними паробки. Дальше – Татьяна, маленькая девушка – вся бедная замковая прислуга.

Мечникова, которая никогда Доршака не видела, уже идя вдалеке, начала к нему внимательно присматриваться. Не понравилось ей лицо, но это отгадать по себе не дала, скорее, приняла весёлое выражение. Ядзя разглядывала стены, люди также с любопытством присматривались к этой руине. Все сразу соскочили с седел и шли пешими, ведя коней. Доршак, хоть больше всего поглядывал на мечникову, считал также сопровождающие её силы и присматривался к людям. Марсового и спокойного облика, они, наверно, не слишком ему понравились. Красивый Янаш, идущий первым, несколько раз обратил на себя его око. Видно в нём было главенство.

Предупреждение Никиты оказалось очень хорошим, потому что мост под тяжестью колебки начал прогибаться и шататься, кони и люди шли также по отдельности.

Когда пани Збоинская подошла к подстаросте, тот сделал несколько шагов для приветствия.

– Это великое и неожиданное для нас счастье, что ясна пани посетит нас соблаговолила, – сказал он с вынужденной улыбкой, – дай Боже, чтобы вас хорошо могли принять.

– Только бы с добрым сердцем, я на остальное обращать внимание не буду, – отозвалась мечникова, – я привыкла ко всему. Проведи нас, пане Доршак, в верхний замок.

Он удивился и даже отвернулся, услышав о верхнем, пан Доршак не думал, чтобы мечникова была так уже осведомлена.

– А! Прошу вас, ясна пани, это пустырь! Я бы порекомендовал расположиться у нас в нижнем, там будет неудобно, потому что там веками не жили и... там только крысы, летучие мыши и совы.

Янаш посмотрел, давая знать, чтобы мечникова стояла на своём, а та затем добавила:

– Мы с ними справимся, я, ваша милость, – сказала она, кланяясь жене Доршака, которая поздоровалась, – я, ваша милость, не хочу быть помехой и предпочитаю там быть одна со своим двором.

– Вы об этом пожалеете, – прервал Доршак, – это лачуга...

Не было на это ответа, как раз вошли в первый двор, который также не очень свежо выглядел. Здание в глубине так закрывало вход в верхний замок, что Ядвисия даже спросила:

– А по которой дороге дальше?

– Вот ещё то, прошу, ясно пани, – сказал Доршак, – что даже попасть в верхний замок трудно, а тем более там жить.

Никита вырвался вперёд, показывая дорогу, поэтому все следовали за ним, шёл и Доршак, но, вероятно, недовольный, бормоча себе под нос.

Колебку приказали разгружать на первом дворе и вещи сносить наверх. Подстароста ещё пытался отговорить Янаша, в котором угадал командира, но парень ему сразу ответил, что воля мечниковой должна быть исполнена.

– Ну, тогда я ни за что не отвечаю, – крикнул Доршак, – ей-Богу, там и крыша на головы готова обвалиться, но что мне до этого.

Тесным переходом за зданием шли обе женщины по камням и чертополоху, что в подпрыгивающей Ядзе пробуждало смех и весёлость. Так дошли они до ворот и посмотрели на старую башню.

– А! – отозвалась пани Збоинская. – Это ещё не так плохо выглядит.

Дверь была открыта. Никита уже там, как умел, хозяйничал. Выполняя приказания пани, он хотел обязательно привести башню в порядок, для чего Доршак, злясь, отказал во всякой помощи, а со своей стороны приготавливал рядом покои для себя. Никита, который не хотел спорить, нанял себе людей из городка, собрал у евреев предметы интерьера, приказал их очистить, и как-то так в башне обжился. Это было грустно, но с бедой на короткое время приютом служить могло.

Мечникова не говорила ничего. Ядзя побежала вперёд, восхищаясь красивым видом из башенки. И правда, покрытые лесом горы, зелёные луга, речушка, текущая по скалам, кое-где серые стены валунов, несмотря на вечерний сумрак, представляли очень благодарный пейзаж. Но рассматривать его времени не было. Никита уже распределил в голове комнаты для двора и челяди. Низ должны были занимать кухня и стражи. Затем шли на верх. Мрачный Доршак не говорил ничего.

Первый этаж, как-то так отмытый, очищенный, оборудованный скамьями и столами, с огнём в каминах, особенно не испугал прибывших. Женщины зашли даже в часовню, где Никита также, насколько умел, немного навёл порядок. Даже порванный образ, который лежал на полу, он прибил, помыл и показался Христос на кресте старой греческой, видно, кисти, а под ним св. Иоанн и Матерь Божья. Это, конечно, не было шедевром искусства, но великая идея жертвы поражала с этого старого образа и все перед ним упали на колени. Сумрак, проникавший сквозь стёкла узких окон, придавал этой неприготовленной, дивной сцене характер серьёзный и таинственный. Путешественники в одеждах, покрытых пылью, в измятых костюмах, с уставшими лицами, начинали жизнь на том пустыре, у границ, с молитвы.

Доршак, не входя за ними в часовню, потому что едва ли несколько особ могло там поместиться, издали, от порога присматривался с хмурым и мрачным лицом.

Только по завершении литания, встав, мечникова сказала подстаросте:

– Видишь, милостивый государь, тут не так уж плохо, а ещё и часовенка вдобавок. Завтра нам ксендз Жудра будет святую мессу отправлять, так как переносной алтарь мы с собой имеем, если его здесь не найдём.

Таким образом, вернулись снова в большую комнату, куда шибко, под надзором Никиты, снесли вещи, тюки и сундуки. Янаш побежал в нижний замок рассмотреть и распорядиться людьми, Сениута также был деятелен.

Доршак какое-то время стоял, будто бы ожидая распоряжений, болтая ни то, ни это, наконец, увидев, что без него распоряжаются и легко обходятся, выбежал, гневный. Он заметил уже раньше Сениуту между замками, но они только посмотрели в глаза друг другу и Доршак стянул ужасно брови. Сейчас, сбегая вниз, нашёл его, стоящего на кривых ногах у двери, как на страже, и крутящего усы.

– А вашу милость сюда какое лихо принесло и зачем? Чтобы больше ртов для еды в замке было? – крикнул он наполовину шутливо.

– Но того, – прокашлял Сениута, вовсе не смешанный приветствием, – это не умаляет шляхетской чести и крови Синеутов, милостивый государь, что в данный момент я при дворе мечниковой. Вот что!

Доршак, пожимая плечами, приблизился почти к уху.

– Чёрт тебя сюда принёс, бывалый старик! – сказал он сердечно. – Ты, наверно, там наболтал... а ну... не пожалел бы...

Он погрозил ему.

– Милостивый государь, – сказал непреклонный Сениута, – тот, кто имеет чистую совесть, языков не боится, а я не ребёнок, чтобы мне кто науки давал.

Доршак слушал одним ухом, а другое, казалось, беспокойно наставлял, так как Янаш выдавал приказы для людей и лошадей, и как раз подошёл к ним.

Он нахмурил брови.

– С позволения, – вставил он, – я т у т не знаю, что за роль буду играть! Я думал, что распоряжения надлежат мне или, что со мной хоть поговорите, а вижу, что я тут зрителем выйду. Кто тут из нас управляет?

Янаш ему слегка поклонился.

– Но сейчас, когда пани мечникова в замке, я с руки мечника командир и я один приказываю.

Доршак весь покраснел.

– Хорошо знать, – отпарировал он коротко.

Затем, как бы подумав и посмотрев на молодого человека, он смягчился снова.

– Ну, здесь совсем нечего делать, – сказал он, – сходите к моей жёнке, отдохните у нас, дерёныш у нас славный. Люди сами справятся, есть здесь тот вездесущий Никита, этого и достаточно.

– Я очень благодарен вам за гостеприимство, – весело отозвался Янаш, – но сейчас нет времени, я должен сам за всем следить, определить положение людям, разместить коней, привести в порядок оружие.

– Ой! Ой! А что же это? Война! – рассмеялся Доршак. – Зачем тут такая великая осторожность. Ха! Ха!

– А ну, не помешает людям держаться бдительными, – сказал Янаш, – а у нас в дороге такой обычай. Простите, милостивый государь.

Он поклонился и ушёл, потому что Никита давал ему знаки.

Доршак стоял как вкопанный, казалось, хотел уйти и не мог, смотрел за уходящим, а спустя некоторое время обратился к Сениуте.

– Кто это? – спросил он.

– Это, я слышал, воспитанник и фаворит мечника, здоровенный, но того, ваша милость, парень и голова здоровая и рука сильная.

Он покивал головой, поправил шапку.

– А, ваша милость, пане Сениута, пойдём на дережнячек к моей бабе.

– Бог заплатит, у меня также своя функция, благодарю.

Доршак закрутился, беспокойный. Падал всё более сильный сумрак. Зажгли в тихих коридорах факелы, а служба по-прежнему суежилась.

Подстароста, казалось, считает их глазами, а губы его искривились как бы в усмешке, когда заметил оружие и амуницию, которые снесли с возов в нижнюю часть башни. Он кивнул головой, потом медленным шагом поплёлся на первый двор. Он уже собирался переходить ворота, когда наткнулся как раз на то, как с ними и со старыми петлями возились люди, пытаясь их закрыть. Никита и Янаш стояли рядом. Доршак начал сильно смеяться и остановился.

– Что же это? Зачем? На что? Полвека ворота не закрывались, ещё кому на шею обвалятся и прибудут! Ворота имеются в первом дворе, зачем же эти? Но это бока рвать! – говорил Доршак. – Что вам снится? Здесь нет никакой опасности. Зачем смеётесь над собой?

– А чем вам это вредит? – спросил Янаш спокойно.

Видя, что уже тут их не преодолеть, подстароста бросил наполовину тихо какое-то проклятие и пошёл в покои. Вошёл в комнату, хлопая дверями. Жену он уже застал на софе, как всегда. Неохотно с ней разговаривал, в этот раз, однако, со стенами бы вдавался в разговор – так была переполнена грудь.

– Посходили с ума эти люди! – крикнул он. – Этот Сениута должен был им разболтать. Едва мечникова мне головой кивнула, а разговаривать почти не хочет, и сами тут распоряжаются, как в собственном доме. Но я этого не вытерплю.

– Молчал бы, – отозвалась Агафья, – достаточно было твоего правления.

– Это ещё не конец! – прошипел Доршак. – Посмотрим, пусть готовятся как хотят... каналы...

Жена начала смеяться, что наполнило его ещё большим гневом. Он не говорил ничего так, чтобы его можно было понять, боромотал и фыркал, как рассерженный зверь, иногда вытягивая вверх кулак. То снова выглядывал в окно на крутящихся людей, которые, не спрашивая его, переставляли, носили, собирали, ломали одно, строили другое.

Пришёл парубок, бормоча и царапая себе голову.

– Они нас отсюда выгонят, что тут делать! Они тут хозяйничают, как дома.

– Чтоб их черти разорвали! – сказал Доршак. – Пусть всё, что захотят, вывернут вверх ногами. Не долго тут будет их правление. Молчать... понимаешь...

Парубок вышел.

Янаш тем временем был чрезвычайно деятелен, обходил с Никитой все углы и закутки. Когда для путешествующей мечниковой готовили ужин, а для двора крупник с гусём, он с Никитой, словно в лагере стоял перед неприятелем, осматривался и, не тратя времени, вводил военный порядок. Верхний замок, несмотря на заброшенность, своим расположением был достаточно оборонительным, противоположную от выхода стену, построенную на скале, омывал пруд, так что приступ отсюда был почти невозможен: справа и слева вода выше не доходила, а особенно с одной стороны было достаточно сухого грунта. С малой горстью, однако, защищаться тут было можно и противостоять любому нападению.

Самой слабой была стена, отделяющая верхний замчик от нижнего. Эту невысокую разбитую стену, на которую было легко взобраться, закрывали старые ворота, слабо держащиеся на петлях, которые едва удалось запереть. Но шипы из них повыпадали, дерево было трухлявое, гнилое, много дыр. Даже маленькой дверки, некогда им принадлежавшей и дополняющей их, тут не было. Ту собирались ночью сбить из досок, которые Никита в первом дворе увидел раньше. Там, внизу, хотели оставить, по крайней мере, вещи, а людей до одного стянуть наверх. Никита предложил поставить стражу с другой стороны ворот.

Янаш был уже на обеих башнях, а Никита открыл ему за одной из них тайную дорожку. Под стенами шли наполовину заброшенные мусором подземелья, которые, видно, раньше окружали весь замок и имели разные выходы и ответвления. Мечникова с Ядзей и капелланом

поели наверху и тихо разговаривали, а Янаша дожидаться не могли. Он выполнял свой долг. Только, поставив стражу, дав наставления людям, собрался идти искать себе угол на второй этаж, когда на лестнице увидел мечниковну...

Девушка со свечой в руке смотрела в глубину, ища глазами. Не заметив его сразу, Ядзя крикнула:

– Позвать пана Корчака.

– Панна мечниковна, я тут! – ответил, смеясь, парень.

– А! Хорошо, иди получить нагоняй от матери, ваша милость. Куда же девался! Пошёл и пропал, – она сделала грозную минку, но улабалась ему.

Янаш приблизился и взял её за руку, почтительно целуя.

– Какая панна Ядвига сегодня ужасная, – воскликнул он, – а что же, если я не пойду?

– Иди же, ваша милость, а то у нас командир армии с голоду умрёт! – прервала Ядзя.

– Вольные шутки, – сказал Янаш, вытирая с лица пот, – а тут в самом деле не до шуток. Край как создан для разбойников (он понизил голос), а Доршак как бы предводителем рождён.

– Но край на диво красивый! – воскликнула мечниковна, поднимая глаза вверх. – Пустынный, тихий, кажется, что с небес голос ангела доносится. В душе делается дивно сладко, смотря на эту заброшенную землю, ожидающую руку человека, чтобы жить, словно смотришь на колыбельку, в которой спит улыбающееся дитя.

Они стояли на лестнице, она на несколько ступеней выше, он перед ней, глядя на её покрасневшее личико.

– Да! Да! – воскликнул он. – Всё это сейчас прекрасно, потому что ново и свежо, но жить тут без людей в вечной тревоге?..

– Какой? Чего? – подхватила Ядзя, пожимая плечами. – Всю дорогу нас напрасно страшили и всё же ничего не произошло! Э! Все трусы, не исключая даже вас, ваша милость, гетман.

– Правда, что мы боимся, панна мечниковна, но верьте мне, не за себя.

– За кого же?

– За вас, за сокровища, нам порученные. В дороге нам счастливо удалось избежать опасности, здесь – Бог знает, что даст. Глядя на подстаросту, мы понимаем, почему им нас страшили.

Ядзя покивала головкой.

– Некрасивый, правда, но...

– Что это – некрасивый? – прервал Янаш. – Досадно говорить, что и Сениута был бы для рисования, но у него честность из глаз смотрит, а у этого... И рыжий! – шепнул Корчак.

– Довольно этого разговора на лестнице... мама может быть быть беспокойной, – срываясь бежать, начала Ядзя, – ты меня баламутишь! Иди, я за тебя нагоняй получу.

Опережая его, она весело взбежала наверх.

– Веду пленника! – воскликнула она.

Мечникова сидела за столом.

– Куда же вы подевались? – спросила она.

– Я должен был вперёд укрепить лагерь, – рассказал Янаш, – поставить стражу, поместить вещи.

– А теперь садись и ешь, что Бог дал.

Ему подвинули миски, Ядзя хозяйничала.

– Я ещё ничего не знаю, что тут можно достать и чем будем жить. Завтра пойдём на разведку, – сказала мечникова.

– Прошу прощения, пани, – отозвался Янаш, – на разведку никто без меня не пойдёт.

– И я? – спросила мечникова.

– Вы тем более.

– Почему?

– Потому что... потому что... мы в неприятельском краю, а я головой отвечаю за дорогих особ.

– У страха глаза велики! – пожимая плечами, начала мечникова.

Она хотела закрутить разговор, когда к двери приблизились шаги; вошёл Доршак, красный на лицо и, видимо, уничтоженный. У порога он чуть кивнул головой, одна рука у него была заложена за ремень. Стоял он так, сопя, какое-то время в молчании и никто также начинать с ним разговор не спешил.

Всматриваясь в лицо, легко было заметить, как оно менялось, в зависимости от мыслей, которые кружились в голове. Можно было подумать, что он вспылит... потом похолодел, остыл, взвесил, собрался, убрал руку с ремня и опустил, потёр ею лицо, словно хотел стереть с него следы возмущения.

– Я пришёл, – сказал он немного охрипшим голосом, – не прикажет ли что ясно пани?

– Благодарю вас, пане подстароста, – с важностью поднимаясь со стула и подходя к нему, говорила мечникова, – приказов сегодня никаких ещё не дам, но поспрашивать могла бы вас о многом – ничего тут ещё не знаю.

Доршак стоял якобы покорный, но из глаз его сверкали искры гнева. Самодержавный пан в течении долгого времени походил на слугу...

– Далеко до турецкой границы? – спросила мечникова. Он задумался с ответом.

– Турки тут имеют по соседству несколько занятых замков, – сказал он, – вот и Бар, но мы с ними как-то так живём.

– А татары?

– Татары! – глаза Доршака блеснули. – Обычная дичь, никого там не слушает, но сейчас ни о каких нападениях не знаем. Сидят спокойно. Иногда стадо какое похитят на границе либо пару холопов, но это ничего.

– Бог даст, что мы освободимся от этого соседства, король наш пошёл под Вену, потянулась великая армия, когда им там нанесут поражение, тогда и Подолье освободится.

Доршак злобно усмехнулся.

– Но если их не победят, они будут мстить нам... – пробормотал он.

– Я, – добавила, изменяя разговор, мечникова, – когда немного отдохну и рассмотрю тут, рада бы по имениям и землям проехаться, границы поглядеть, поселения, какие есть.

– Пустыня это, ясновельможная пани, – сказал после минутного раздумья Доршак, глаза которого засветились какой-то скрытой недоброй радостью, – но всегда стоит посмотреть. Земли по большей части не засаженные. Было бы, на чём *de cruda radice* деревни и города закладывать, если бы нашлись люди. А кто здесь захочет под страхом Божьим жить и с самопалом на поле ездить!

Он подумал и тихо добавил:

– Если бы ясно пани только соблаговолила заранее назначить день, послали бы заросли немного перетрясти и дороги вперёд укрепить. Я обязательно должен хотя бы вдвойне на двадцать четыре часа раньше знать, когда это наступит.

– Справедливо, пане Доршак, я это вашей милости объявлю, а теперь пора отдыхать. Доброй ночи, ваша милость!

Он уже хотел уходить, когда мечникова, словно что-то себе припомнила, задержала его.

– Подождите, ваша милость, – сказала она и шепнула что-то Ядзи, которая убежала в другой покой.

Через мгновение она внесла коробочку, которую мечникова открыла, что-то аккуратно доставая из неё.

– Мой муж не хотел, чтобы я сюда прибыла с пустыми руками, по старому обычаю гостинец привезла. Прими, ваша милость, добрым сердцем эту мелочь, – сказала она, подавая ему золотой пекторалик в двух конвертах – вещь в те времена ценная и красивая.

Потом достала золотую цепочку.

– А это для вашей жены, – прибавила она.

Доршак рад не рад, немного смешанный, согнулся до колен, бормоча какую-то благодарность. Затем поклонился ещё раз и вышел.

Минуту царило молчание. Янаш также встал, пошёл поцеловать руку мечниковой, поклонился Ядзе, также ксендзу Жудре и исчез.

Наверху Никита приспособил для него постель, правда, без кровати, ибо таковых не было, и даже не было, из чего сбить тапчан, но соломы предостаточно. Янаш, однако, сначала спустился вниз посмотреть людей, были ли они на месте и бдительны, хотя Сениута, который так же на подгетмана метил, учинил это перед ним уже. Некоторые уже спали после путешествия, другие бодрствовали, меняясь временами. Ночь была холодная, спокойная и довольно ясная, за горами бледное свечение обозначало луну. Белые облачка пробегали по небу. Когда он обходил по кругу башню, из окна спального покоя выглянула головка с распущенными на плечи волосами, в темноте, видно, узнала Янаша и над ним, как шорох ветерка... как лист, падающий на землю... зашелестело словечко:

– Доброй ночи!

Янаш поднял глаза, наверху никого не было.

* * *

Недалеко от полосы холмов, которые опоясывали Гродек, тянулось довольно обширное плато, перерезанное только несколькими балками или оврагами. Это была довольно широкая степь, только в отдалении опоясанная лысыми холмами, выжженная солнцем, высушенная, жёлтая, дикая... Остатки пышных по весне трав сейчас торчали высохшими стеблями. Кое-где был виден круглый курган, а на некоторых из этих вечных могил торчали наполовину впалые в землю, странные, бесформенные, вытесанные из камня статуэтки будто женщин на коленях, держащих сосуды...

В степи было мало следов жизни, здесь и там неисчезнувшие ещё татарские кочевья, повыкопанные для очага ямы, повыбитые кольями отверстия и земля, утоптанная конскими копытами. Над ложем высохшего ручья немного кустов, покрытых степной пылью, а в кустах немного жизни, дикие звери, стаи птиц...

Как посмотреть, лысые холмы, изрытые ручьями и разбегающиеся в разные стороны. В балках должна была скрываться, если была, какая-то жизнь. С правой стороны можно было так же заметить в отдалении как бы табун пасущихся лошадей в тени холмов и временамидвигающихся.

В утренние часы со стороны Гродка в степи появился всадник, с ним несколько борзых; он ехал вытянутой рысью, отпустив поводья коня, без дороги. Конь, видно, знал, куда шёл и направлялся, чувствуя табун своих. День был тёплый, осенний, а в степи припекало. Всё ближе и отчётливей показывался табун – даже лошади начали ржать от приближения коня и он им отвечал. Борзые держались спереди, всадник пару раз ударил коня и галопом приблизился к табуну.

Табун закрывал собой лагерь у входа в балки у ручья. Он выглядел бедно: несколько шатров из тёмного войлока, тёмных и маленьких, несколько шалашей, покрытых ветками. Кое-где, окружённые камнями, курились маленькие костры. Около двадцати оборванных людей волочилося вокруг. По загорелым лицам, плоским носам, впалым глазам, выступающим костям щёк легко можно было узнать татар, в грязной одежде, с диким взглядом, прохаживающихся,

словно смотрели за лошадьми. Из шатра выглянул один и как бы в шутку, достав лук, излюбленной стрелой прицелился в едущего, смеясь белыми зубами. Прицелился, пустил стрелу, она просвистела возле ушей. Не испугался её всё-таки всадник; пришпорил коня, подъехал к шатрам и соскочил с седла. Татарские лохматые псы, ошетилившиеся, начали рычать, приветствуя борзых. За шатрами, которые были видны на переднем плане, немного дальше стоял более обширный и тесный. Путник спешил и направился к нему. Его беспрепятственно пропустили, как хорошего знакомого. Гость своей тенью заслонил вход, из середины отозвался хриплый голос. Ответили приветствием. Вошёл гость, клянясь, приложив руку к устам. Конь, не требующий сторожа, остался один, только голову любопытно обратя к табуну. Внутри шатёр был разделён; в первой его части на кожаных подушках, с ногами, заложенными под себя, сидел чёрный загорелый мужчина с головой, обвязанной разновидностью тюрбана, одетый в красный грязный кафтан.

– Доршак! – откликнулся он, бросая весёлый взгляд.

– Ну я, Мурза-Шайтан, – сказал, садясь напротив него, – я прибыл в гости.

– Мы добрым гостям рады, а ты – добрый гость, – начал Мурза-Шайтан, – что у вас слышно?

– Гм... гм... было бы что послушать, – говорил Доршак, – но к этому нужно идти не спеша.

– Мы идём не спеша, – рассмеялся татарин, – лишь бы идти.

– Вам так скучно в степи сидеть.

– Смерть, – отпарировал Шайтан, – двоих людей убил от скуки – а один... одного мне жаль даже... никто так барана не жарил, как он, – махнул рукой, – ленивые люди. Жалею, что не пошёл на войну. Тут нечего делать, в замках люди начеку, деревни пустые, далеко в край пускаться опасно.

– Верно, верно.

Они посмотрели друг другу в глаза, улыбаясь.

– Ты, ты не напрасно прибыл, – отозвался Мурза, – ты что-то привёз за пазухой, говори.

– За пазухой нет, но тут, – он указал на голову.

– Говори же.

– А если бы что-нибудь хорошее выпало, что мне дадите? На коране клянусь...

Мурза смерил его глазами.

– Ты жадный, ты бы родного брата продал, – сказал татарин.

– Если бы мне хорошо заплатили! – рассмеялся Доршак. – Вам известно соглашение: четвёртая часть добычи либо выкупа – моя.

– Лишь бы людей не тратить, потому что у меня их мало, двоих убил, и не много осталось.

– А не можете взять помощи из иного котла?

– И с другими делиться, и с тобой! – покачал головой татарин.

– Был бы улов добрый и лёгкий...

– Говори. Мы согласны, – начал Мурза. – Когда? Где? На кого охота?

Доршак нагнулся к его уху.

– У меня есть гости.

– У вас? Кто?

– Бабы: жена и дочь большого польского урядника, богатого пана, женщины красивые и выкуп может быть добрый...

– На что выкуп, когда красивые! – засмеялся татарин. – Я их продам в сераль султану. Где они?

– Где! Подождите! Я вам на границу от Чёрной балки могу их привести. Там устройте засаду. Возьмёте их, как своих. Сто людей, пятьдесят хватит, защищать их некому будет.

Мурза слушал, удивлённый.

– Ты, пожалуй, сам на меня хочешь устроить засаду, – сказал он, – это неправда, ты неверный пёс, лжёшь.

– Я вас когда-нибудь предавал? – спросил Доршак. – Мы с вами живём как добрые приятели, по-соседски. А предал вас, настав на поселение, из которого вы набрали и баранов, и холопов, и женщин, и коней? А мне что досталось?

– Однако же тебе твою часть заплатил.

– Да, какую хотели вы, такую мне и выдали... но я спокойный человек.

– О! – рассмеялся татарин. – Ты добрый человек! О! Ты человек спокойный. Когда же в Чёрной балке засесть? Говори!

Доршак, казалось, размышляет.

– Если день будет ясный, через три дня, если слякотный – в первый ясный день.

Глаза татарина засветились, он начал хлопать в ладоши: прибежали слуги.

Он велел подать кумыса. Они сидели в молчании и пили из роговых кубков. Мурза размышлял, Доршак думал.

– Быть может, – проговорил он, – что какой-то день посидите напрасно, а стоит подстергать такой улов!

– А из мужчин?

– Может быть несколько.

– Будут защищаться?

– Должны, но что они сделают вчетвером на пятьдесят или сто?

– А ты? – спросил Мурза.

– Я буду, пусть твои в меня не стреляют, дам знак свистом, а сам убегу, – бормотал Доршак, который по-татарски говорил хорошо.

Подали друг другу руки.

– За платой придёшь на другой день – я посмотрю женщин, я знаю, сколько у нас какая стоит.

– Я знаю, что могут дать выкуп.

Они замолчали.

Доршак посидел минуту задумчивый. Мурза дал ему трубку и кормить его хотел, но тот посмотрел на солнце и встал. Ещё раз подали друг другу для знака руки. Конь стоял у шатра, собаки лежали у его ног. Доршак вскочил на седло и пустился рысью к зелёным горам в отдалении. Солнце припекало. Не скоро он достиг тени и оврага, только там они с конём могли вздохнуть. Знакомыми ему тропинами сокращая насколько можно дорогу, подстароста ближе к вечеру очутился в Гродке. Не доезжая до замчика, он смерил его любопытными глазами. На мосту как раз стояли мечникова, Ядзя, ксендз Жудра и Янаш. Отсюда они разглядывали околицы. Увидев Доршака, ехавшего на уставшем коне, мечникова произнесла:

– Правда, что лицо немилое, голос дикий, зрение острое, но человек в этом неповинен, а он гораздо лучше, чем выглядит. Оговорили его. Сегодня целый день, вижу, околицу сам, нарываясь на опасность, перетрясал, чтобы убедиться, могу ли я безопасно её осмотреть. Я ему за это благодарна.

– А у меня какое-то к нему отвращение, – прервала девушка.

– Но тихо! Он приближается, – упрекнула мать.

Доршак заранее спешился и, приветствуя, снял шапку.

– Я объехал, – сказал он, – не только наши земли, но пустился немного в степь и в разные, известные мне, закоулки, нигде живой души. Татаров вытянули, кочующих – ни следа, спокойно; могу сказать, что издавна никогда такой тишины и покоя не было.

– Бог заплатит за добрую весть, – отвечала пани Збоинская, – идите же отдыхать, прошу, а позже поговорим, когда бы можно выбраться и как.

– У меня есть лёгкая каретка и конь, к ней привыкший, на которой почти везде можно проехать. Каретка не трясёт, конь спокойный. Дороги за эти дни даже в лесах высохли.

Янаш смотрел, не говоря ничего. В стороне стоял Никита и слушал это интересное повествование. Мечникова приняла это к сведению, а Доршак, видя её молчащей, пошёл в замок.

– У меня даже сердце смеётся от этой поездки по лесам и горам, – начала щебетать Ядзя. – Что это будет за милая вещь! Что мы там за деревья, цветы, животных, птиц увидим! Уже многих из тех, которых я здесь видела, если бы описала у нас, то бы мне не поверили. А тот кустик, что перьями и пухом розовым цветёт, а те лилии, – и она хлопнула в ладоши.

Янаш смотрел как-то грустно, а Никита хмуро и с нетерпением, плохо объяснимым. Его можно было заподозрить, что если бы хватило храбрости, он вмешался бы в разговор.

– Да, это милая вещь, – сказал Янаш, – новые края и новые чудеса Божьего всемогущества, но я всегда свой, поездку не могу разрешить, пока лучше не изучу, в какую сторону она поведёт... и это моя вещь.

Пани мечникова рассмеялась.

– Вы – тиран с этой своей заботой о нас, пожалуюсь же его милости, когда вернёмся. Слышишь!

– Слышу и на кару хотя бы на хлеб и воду готов, я выполнил д о л г.

Ядзя приблизилась к его уху и шепнула, заслоняясь ручкой:

– Трус! Трус!

Янаш зарумянился.

– Дарую вам заячью шкурку, когда вернёмся в Межейевицы...

– От пани приму её с благодарностью, – сказал Янаш, – будет напоминать мне выполненную обязанность.

А ксендз Жудра, который до сих пор молчал, доложил:

– Хотя это юнец, но мы должны его слушать. Я согласен с гетманом.

– Хорош гетман, который не имеет отваги! – вставила Ядзя.

– Но я готов хоть сегодня и один, без товарища, когда прикажете, – сказал Янаш весело, – только не с моими дамами, за которых отвечаю головой.

Мечникова молчала, смотря и прислушиваясь к спору.

– Ну довольно, – сказала она, – довольно, гетман пусть поедет, чтобы информацию достать, а я от своего не отступлю и Ядзя тоже: немного света должны увидеть.

Затем все замолчали.

На следующее у тро по горам расстелился туман и начал моросить дождь, а к полудню лил прилично и все планы экспедиции смешал и приостановил.

Вошёл Корчак, одетый в повседневную одежду: серый жупаник и длинные ботинки, с весёлым, как всегда, лицом. Мечникова, прежде чем начала говорить, кивнула ему, чтобы выглянул за дверь, были ли они одни.

– Хотя ничего плохого, с чем бы нужно было скрываться, мы не делали, – сказала она с улыбкой, – однако же лучше людей не искушать и избегать ненужной болтовни. Сегодня никто из нас не выберется на прогулку... льёт дождь... я хочу что-нибудь поделать в замке, но рада бы за это взяться осторожно...

Янаш ещё ни о чём не знал, дала ему читать старый листок, он пошёл с ним к окну...

Листок был бледный и пожелтевший, день хмурый, поэтому он не скоро с ним управился, но по мере того, как читал, его лицо прояснялось.

– Что ваша милость на это скажете? – спросила мечникова, подбоченясь.

– История любопытная и необыкновенная! – выкрикнул Янаш. – Но, наимилостивейшая пани добродетельница, если вы мне сколько-нибудь верите и доверяете, ради Бога, мы должны быть осторожными! Все согласны с тем, что Доршак плохой человек, жадный... Что же бы

тогда с ним было, если проведаль бы, что тут у него такое сокровище в замке добываем? Сейчас мы не очень-то в безопасности, что же, когда его жадность будет потревожена... Один поиск уже натолкнёт его на размышления.

– Но он сюда всё-таки без моей ведомости не войдёт, – сказала пани.

– Несомненно, но и нехорошо, чтобы люди об этом знали, кроме Никиты; не то, чтобы я не доверял им, – говорил Янаш, – но после рюмки водки мимовольно развяжутся языки...

– Ты прав, ты благоразумен, – смеясь, добросила мечникова.

Ядзя смотрела на него издалека, слыша эту похвал, и как бы наперекор покачала головой.

– Что делать? – спросила старшая пани.

– Сперва нужно исследовать, есть ли там ещё что-нибудь, потому что столько лет тут хозяйничали чужие люди, кто знает, не подобрали ли мёда раньше, – сказал Корчак, – в письме даже точно не указано, где это замурованное подземелье мы должны искать.

– Вчитайся получше, – проговорила мечникова, – внизу отдельные указания...

– Ах, да! – сказал Янаш, потихоньку расшифровывая старое письмо. – Войдя в подземелье перед башней, по правую руку – проход, ведущий в более глубокий подвал. На его стенах три потёртых креста... С правой стороны, в середине между двумя блестящими кирпичами, циндровки, которые следует удалить. Не могу, – сказал Янаш, – никого использовать для этой работы, кроме Никиты. Мы управимся так, что нас никто не увидит.

Мечникова указала рукой в знак согласия, а ксендз Жудра перекрестил уходящего.

В сенных дверях стоял скучающий Никита со сложенными на груди руками и зевал. Корчак похлопал его по плечу и дал ему знак, чтобы шёл с ним.

– Слушай, Никита, у нас с тобой есть тут кое-какая работа, но так, чтобы люди не видели. Возьми тупую секиру, молот, кусок какого-нибудь железа и иди за мной.

Глаза Никиты засветились и он охотно приступил, его мучило бездействие.

Дабы не подавать вида, что хотят чего-то искать в подземелье, велел Янаш Никите бутылки, какие привезли с собой, приносить к нему, а инструменты втайне привести в нормальное состояние. Людям, стоящим внизу, дали сигнал, чтобы Доршака, если бы пришёл, отправили под каким-нибудь видом и не подпускали внутрь...

Запалив лампу и взяв корзины, не спеша спустились в подземелье. Двери на всякий случай за собой закрыли.

С правой стороны сразу нашёлся тоннель и подвал, заброшенный побитым стеклом и мусором. Подняв лампу, нашёл Янаш, хоть с трудом, на стене кресты и между двумя этими блестящими кирпичами циндровки, которые казались отколотыми. Стена, однако же, под ними и над ними была ненарушенной и покрытой старой пылью.

– В стене замурован ящик с бумагами и вещами, – шепнул Янаш, – кусок стены нужно удалить, не создавая шума...

Никита, едва услышав, с живостью человека, жадного до работы, схватился и железом поддел кирпич. Казалось, что он даже известью не был укреплен, потому что сразу вышел, и за ним показалось отверстие. Янаш сунул руку и нашупал ящик.

– Есть! – воскликнул он с радостью. – А следовательно, ничего другого не остаётся, как вытащить столько кирпичей, сколько нужно, чтобы достать ящик.

Никита только кивнул головой и уже брался за работу. Но дальше шло гораздо трудней, так как кирпичи были вдавлены и их было нужно отбивать и ломать, чтобы увеличить отверстие... Не обошлось, поэтому, без глухого стука по стенам.

В подвале, сверху, чему сперва не придали значения, было маленькое зарешечённое окно, выходящее на двор от куртины...

Очень мало попадало в него света, однако, дало почувствовать будущим внутри, что это отверстие чем-то заслонено.

Янаш поднял голову и увидел прилепленное к решётке красное лицо Доршака. Он толкнул Никиту, который сразу перестал работать...

Доршак, пойманный на шпионаже, не отступал.

– Что вы, милостивый государь, там делаете?

– Мы хотели сюда что-нибудь спрятать, – сказал Янаш, – нужно полку к стене прибить.

– Хе! Хе! – рассмеялся подстароста. – Что-то спрятать! Пожалуй, ищите, чего вы не потеряли...

И исчез с глаз...

Было это приключение очень несчастливое. Оставив Никиту внизу, сам Янаш побежал, очень смутившийся, к мечниковой.

– Случилось, – сказал он, входя, – чего предвидеть было невозможно.

– Что? Ящик забрали? – рассмеялась мечникова, не смутившись.

– Едва ли не хуже, – начал Янаш. – Ящик на своём месте, полный или пустой – этого не знаю ещё, но Доршак за нами сверху в окно подсматривал, вероятно, услышав стук.

– Если бы мы не были в своём доме и своей собственности не отыскивали... – воскликнула пани Збоинская. – Поэтому что же? Нечего таиться...

– Доставать? – спросил Янашек.

– Это разумеется, теперь уже делать тайну во сто крат было бы хуже.

Таким образом, воротился Янаш в подземелье. Сбегая вниз, в нижних дверях он увидел стоящего Доршака, которого не впускали.

– Пане Корчак, – крикнул разгневанных подстароста, – это меня уже за чужого и врага считаете, что мне доступ запретили?

– А чего же вы хотите себе?

– Это прекрасный вопрос! Я хозяин... хочу войти...

– Но мечникова в эти минуты видеть не может...

– Я также не хочу.

– С кем же вы желаете увидиться? – спросил Корчак.

– С тем, что вы внизу добываете, – с усмешкой вставил Доршак.

Янаш пожал плечами.

– Там нет ничего интересного.

– Я думаю напротив, когда мечникова даже специально сюда ехала, чтобы присмотреться к этому вблизи. Ибо теперь прибытие её понимаю.

Навязчивый Доршак стоял в дверях.

– Ничего не понимаю, – отпарировал Корчак, – а так как времени нет, прости меня, ваша милость.

Сказав это, он начал спускаться вниз по лестнице, а подстароста, видя, что не торгуется, ушёл гневный. Янаш нашёл Никиту очень утомлённым, значительный пролом в стене, а сквозь отверстие видимый уже достаточно ящик, обитый железом, а точнее, сундук, покрытый пылью, плесенью и паутиной, железо которого было покрыто ржавой рудой. Не обращая уже внимания на то, подсматривает ли за ними кто-нибудь или нет, подставив под ноги кирпичи, приступили оба к подъёму ящика, но для двоих он был слишком тяжёл, а притом от долгого стояния как бы прирос к стене. Поэтому они должны были использовать разные средства для подъёма и медленного спуска на пол.

Не скоро, намучившиеся и вспотевшие, они смогли, наконец, поставить его на землю. Сломанные замки, трухлявое дерево – всё сыпалось. Поднимать его по лестнице не было способа, пошёл, поэтому, Янаш за госпожой и привёл её вниз вместе с Ядвизей. Он сам приказал освободить пару дорожных сундуков, имея ввиду вытащить то, что находилось в ящике, и принести наверх.

Ключей не было, поэтому замок пришлось отбивать, но это прошло легко. Ящик внутри оказался нетронутым, полным, а хотя много вещей было испорчено от долгого лежания, золото, драгоценности и дорогое оружие совсем не пострадали.

Мечникова была чрезвычайно рада. Любопытная Ядзя хватала всё. Присвоила себе старые чётки и такой же древний пояс, который мать ей охотно отдала. Остальные вещи Никита с Янашем перенесли наверх, а пустой ящик, очистив до дна, оставили в подземелье.

На Доршака та мысль, что там в подземелье могло что-то скрываться, о чём он на протяжении стольких лет ничего не знал, что он тут охранял чужое сокровище, которое так легко себе мог присвоить, производила невыразимое впечатление. От одной этой мысли он кипел от гнева и скрежетал зубами. Он так же действительно понимал, почему прибыла мечникова и не мог себе простить, что никогда ничего не искал в подземельях замка.

Когда он под впечатлением этого несчастья вошёл в комнату, в которой жена его для развлечения, сидя у окна, вышивала, она сразу поняла, что с ним что-то должно было произойти.

– Злодеи! – воскликнул он на пороге. – Грабители!

И остановился.

– Кто? Где? – спросила жена.

– А эта баба со своим проклятым двором! Она не глупа и не напрасно сюда тащилась. Теперь я уж всё знаю.

Хотя он никогда не был привычен открываться перед женою, в этот раз так был взволнован, что удержаться не мог. Ходил по комнате и разговаривал как бы сам с собой:

– Узнали, что тут было сокровище в замке замуровано! Кто же мог об этом догадаться.

Пришли, как за своим, и вырвали его у меня. Там, в подземелье...

Жена, подняв глаза, с любопытством слушала.

– Где? Как?

– Я слышу, – говорил Доршак, – что-то стучит под землёй, валится, как бы стены рушатся. Я как раз ходил поглядеть башни и куртины, посмотрел в подземелье туда, откуда доходит стук, а там Никита с этим молодчиком стену ломают и дыру выбивают...

– А откуда ты знаешь, для чего они это делали?

– Откуда! Гм! Я давно тут от старосты слышал про замурованное сокровище, но смеялся, как над бабской выдумкой, чёрт мог догадаться... У меня было столько лет времени, мог все стены повибивать... но когда кому не везёт, то уж не везёт ни в чём...

Он дико засмеялся.

– Перед моим носом мою собственность вырывают.

– Твою? – насмешливо спросила жена.

– Да, мою, мою, потому что тут всё моё, – закричал Доршак, – слышишь ты, баба, молчать... Моё, я тут пан, не они. Их правление коротко... не дам им отсюда ничего вывезти.

Опомнившись, он окончил ворчанием, несколько раз встретил взгляд женщины и утих. Всю злость он подавил в себе.

Начал звать Татьяну. Вошла та тучная женщина, вытираясь фартуком.

– Слышишь, – сказал он, – сейчас оденься, возьми фрукты, мёда на тарелке и неси мечниковой наверх. Но чтобы око имела на всё, что делают, что на столе лежит. Если подслушаешь, что говорят, тем лучше... понимаешь? Сразу возвращайся.

Татьяна исчезла, так как её посольство, за которое она могла получить подарок, было желанным. Доршак взялся за мундштук и трубку. Жена в молчании шила. Он уже даже на неё не смотрел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.